

463056

Избранныя педагогическія
сочиненія В. Д. Сиповскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. БАШМАНОВА и Р².

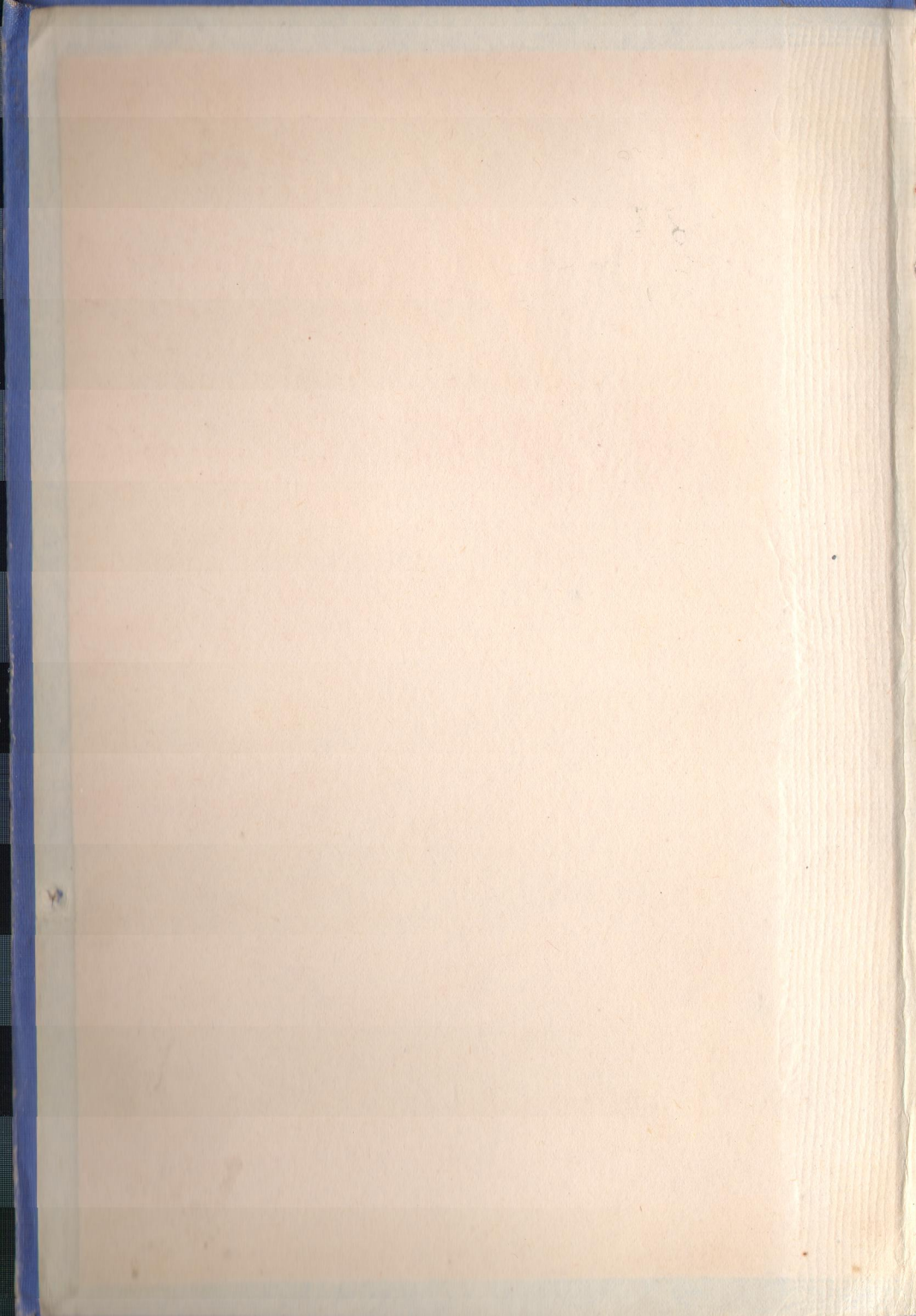
1911

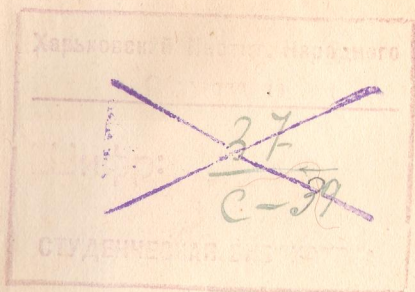
Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ОКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
у Я. БАШМАКОВА и К^о.
С.-Петербургъ—Итальянская 31.

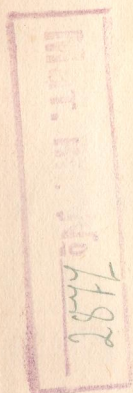
—+—
Книга имѣется у
Бр. БАШМАКОВЫХЪ
въ Казани и Москвѣ

Пар. Перепл.. Фридриха Канъ, Слб.

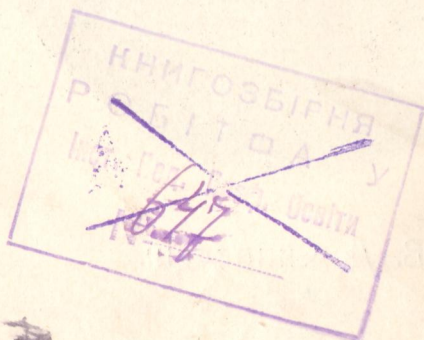

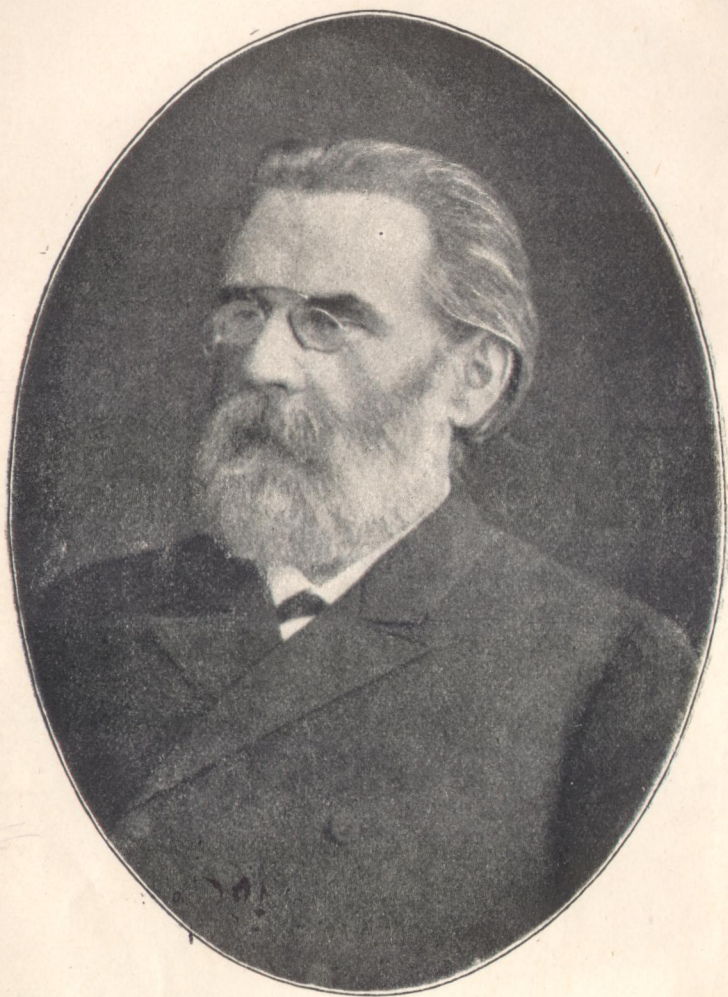

2467

5746

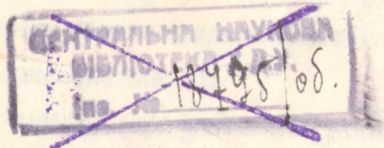

В. Д. Сиповскій.

Избранныя педагогическія сочиненія В. Д. Сиповскаго.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, СЪ ПРЕДИС-
ПОСЛІЕМЪ ПРОФ. В. В. СИПОВСКАГО И СЪ ЛИ-
ТЕРАТУРНО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ,
СОСТАВЛЕННЫМЪ Н. Л. ЛЕОНТЬЕВОЙ.

Цена въ переплетѣ 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К^о
1911

Нерануе и нејатонскі

Сонненіа В. Д. Сновскато.

Ср. покретомъ втора, ср. предиспо-
вѣдъ пров. В. В. Сновскато и ср. по-
кретомъ втора, ср. предиспо-
вѣдъ пров. В. В. Сновскато и ср. по-

Црква се нејатонскі

Типографія Слб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

22 V 1911. — 30 XI 1911.

Харьковский Инстит. Нар. Уч.

37

C-39

1782
1928

Отецъ мой, умершій въ 1895 году, принадле-
житъ къ числу писателей „забытыхъ“, быть
можетъ потому, что педагогическія статьи
его разбросаны по страницамъ старыхъ педаго-
гическихъ журналовъ („Женское образованіе“,
„Образованіе“, „Семья и Школа“), въ свое время
мало распространенныхъ, а теперь мало кому
извѣстныхъ. Тѣмъ съ болѣею радостью согла-
сился я на предложеніе Издательства Я. Башма-
кова и К^о. издать „Избранныя педагогическія
сочиненія“ моего покойнаго отца.

Редактированіе сочиненій моего отца взяла
на себя, по просьбѣ моей, Н. Л. Леонтьева,
Ею же написанъ біографическій очеркъ моего
отца и сдѣлана общая характеристика лите-
ратурной дѣятельности его.

Н. Л. Леонтьева еще ученицей узнала моего
отца,—потомъ она была его сослуживицей по
женской гимназій, постояннымъ сотрудникомъ
въ его журналъ,—такимъ образомъ при жизни
его она была всегда около него; теперь изъ
когда-то близкихъ къ моему покойному отцу

лицъ, кромѣ нея, нѣтъ никого, кто бы лучше
я зналъ интимную сторону его души, какъ
человѣка, педагога, руководителя и писателя.

Быть можетъ, перо я придаю облику
моего отца черты нѣсколько женственныя,—
въ моей памяти его образъ рисуется болѣе
мужественнымъ и энергичнымъ... даже нѣ-
сколько суровымъ,—но, несомнѣнно, я тепло-
написанный очеркъ рисуетъ отца въ общемъ
вполнѣ справедливо. Приношу ей свою благодар-
ность за доброе отношеніе къ памяти моего
отца.

В. В. Сиповскій.

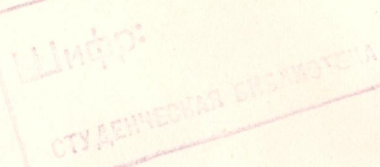
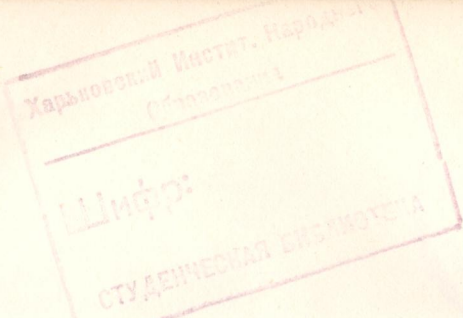
24 ноября 1911 г.

СТЪ РЕДАКЦИИ.

В. Д. СИПОВСКИЙ.

ЛИТЕРАТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

Н. Л. Леонтьевой.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагая русской читающей публикѣ это собраніе педагогическихъ статей покойнаго В. Д. Сиповскаго, извѣстнаго русскаго педагога, скончавшагося 16 лѣтъ тому назадъ, мы далеки отъ мысли считать это собраніе полнымъ: въ него не вошли нѣкоторыя небольшія статьи о женскомъ образованіи, написанныя В. Д. въ концѣ 70-хъ годовъ и имѣвшія цѣлью добиться скорѣйшаго открытія Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Эти курсы теперь насчитываютъ около 30 лѣтъ существованія, такъ что и статьи, за нихъ ратовавшія, могутъ имѣть лишь историческій интересъ. Кромѣ того, покойному В. Д., какъ педагогу-журналисту, приходилось не разъ ломать копье за тотъ или другой жизненный вопросъ въ области школы,—отсюда повторенія, неизбежныя у журнальных работниковъ; поэтому изъ нѣсколькихъ статей, трактовавшихъ объ одномъ и томъ же предметѣ и отличавшихся въ силу вещей аналогичной аргументаціей, мы позволяли себѣ выбирать тѣ, которыя всего ярче и подробнѣе освѣщали ту или другую сторону школьной педагогики *).

Н. Л.

*) Въ основу этого очерка положены двѣ прежнія статьи того же автора: «Памяти учителя» («Образованіе» 1895 г. № 10) и «Педагогическіе взгляды В. Д. Сиповскаго» («Русская Школа» сентябрь 1905 г.).

I.

Жизнь и дѣятельность.

Есть эпохи, которыя налагають особый отпечатокъ на тѣхъ, кому приходилось тогда жить и дѣйствовать. Таковы были знаменитые 60-ые годы прошлаго вѣка, отбросившіе свой яркій отблескъ и на семидесятниковъ. Наслѣдія этихъ обильныхъ жатвою лѣтъ хватило надолго, и даже реакціи 80-хъ годовъ не удалось истребить ихъ плода. Они обладали такой же жизненностью, какъ и тѣ хлѣбныя сѣмена, которыя, пролежавъ болѣе двухъ тысячелѣтій въ гробницѣ фараоновъ, все же дали ростки, едва ихъ посадили въ плодородную почву и спыснули водою. Въ подобные незабвенные періоды выходить на сцену цѣлые ряды замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, и, когда замолкають ихъ голоса, ихъ рѣчи продолжаютъ жить въ сердцахъ послѣдующихъ поколѣній. Немного шестидесятниковъ теперь уже осталось,—одинъ за другимъ уходятъ они со своей арены, послуживъ, какъ могли, отчизнѣ.

Одного изъ нихъ, ушедшаго слишкомъ рано, въ самомъ разгарѣ кипучей работы, и вспомняемъ мы на этихъ страницахъ. Василій Дмитріевичъ Сиповскій, правда, работалъ всего болѣе въ 70-хъ, 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ, но начало его дѣятельности относится къ эпохѣ обновленія,—къ той славной порѣ, когда русскіе люди послѣ обильныхъ рѣчей, произнесенныхъ ими въ 40-хъ годахъ, могли наконецъ перейти отъ словъ къ дѣлу.

Общее возрожденіе коснулось тогда, какъ извѣстно, и многострадальной русской школы; надъ нелегкимъ дѣломъ ея преобразованія потрудились цѣлая плеяда извѣстныхъ педагоговъ, къ которымъ принадлежалъ и В. Д. Многое изъ того, что они проводили въ свое время, кажется теперь трузимомъ, но если эти положенія стали уже азбучными истинами, то лишь благодаря борьбѣ, выдержанной ихъ защитниками; нѣкоторыя же ихъ мнѣнія и до сихъ поръ не пробились

сквозь броню бюрократической рутины, от которой все еще не освободилась русская практическая педагогика.

В. Д. Сиповскій былъ южанинъ; онъ родился 26 апрѣля 1844 г. въ городѣ Умани; но жилъ онъ и работалъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Окончивъ съ золотой медалью курсъ Ларинской гимназіи, онъ получилъ затѣмъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. Талантливому юношѣ предлагали профессуру, но, педагогъ по призванію, онъ предпочелъ университетской кафедрѣ скромное учительское поприще и проработалъ на немъ 27 лѣтъ (съ 1868 по 1895 гг.). Въ первые годы учительской дѣятельности онъ преподавалъ русскій языкъ въ своей же Ларинской гимназіи. Одинъ изъ его учениковъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, Н. И. Позняковъ, живо рисуетъ то сильное впечатлѣніе, которое производили на него, тогда 13-лѣтняго мальчика, уроки молодого учителя. Онъ умѣлъ придать интересъ даже сухой грамматикѣ, «хотя она у него проходила съ походя, между прочимъ, при литературномъ разборѣ. В. Д. дѣлалъ отступленія и при этомъ пускался въ блестящую экскурсію въ ту или другую статью, которою завзятый педагогъ-грамматистъ могъ бы подавить малышей, специально посвятивъ ей цѣлый урокъ. Особенно врѣзались въ память нѣкоторыя мѣста изъ ученія о знакахъ препинанія. Впослѣдствіи, самъ принявшись за преподаваніе языка и словесности и припоминая уроки В. Д. Сиповскаго, я могъ оцѣнить эти уроки уже не однимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ: это были популярныя, какіе только могутъ быть для малышей третье-классниковъ, уроки логики и стилистики. Вотъ, во что обратилъ В. Д. удушющее у другихъ ученіе о знакахъ препинанія. Никакого зубренія, литературныя примѣры, увлекавшіе прелестью звуковъ, и простые, ясныя выводы, невольно запоминавшіеся, залегавшіе въ сознаніе и невольно участвовавшіе дѣтей грамотѣ—вотъ, что мы слышали».

«И все это происходило въ то время, когда классическая система входила въ самый свой разгаръ, когда по другимъ языкамъ мы не слышали ничего, кромѣ «формъ, формъ и формъ», разныхъ аористовъ, аккумулятивовъ и прочей удушающей мертвечины. И среди этихъ-то мертвыхъ формъ мы слышали живую рѣчь, слышали живое освѣщеніе оборотовъ языка живымъ человѣкомъ на живыхъ примѣрахъ—это были единственные уроки, на которыхъ мы *жили*»¹⁾. По словамъ автора этихъ воспоминаній, интересъ къ чтенію, любовь къ книгѣ—развились у него, главнымъ образомъ, со времени занятій у В. Д. «Самъ онъ умѣлъ показать красоты книги. Читалъ онъ отлично,

¹⁾ См. статью Н. И. Познякова «Памяти В. Д. Сиповскаго» («Русская Школа» 1895 г. № 11).

проникновенно, съ любовью къ читаемому, такъ что въ каждомъ звукѣ его голоса слышалась убѣдительность, готовность дать въ любой моментъ истолкованіе мыслей автора. Явилась работа надъ собственнымъ слогомъ, возникли соревнованіе, охота писать сочиненія. В. Д. любилъ давать сочиненія на произвольныя темы». «Конечно», продолжаетъ Н. И. Позняковъ, «тамъ было немало чепухи, наивнаго дѣтскаго лепета, но никогда не возбуждали они въ немъ желанія подтрунить, оскорбить ученика ѣдкимъ замѣчаніемъ. Мы стали читать, мы начали писать, мы становились маленькими людьми, а не только школярами, которыхъ интересуютъ лишь лапта да рюхи и развлекаетъ лишь издѣвательство надъ чудаками-учителями. Всегда онъ былъ ровень, мягокъ въ своихъ приговорахъ, хотя и не расплывался въ излишней и вредной деликатности. И понятно почему: его мягкость исходила изъ уваженія къ личности ученика, но отнюдь не изъ трусливаго исканія популярности. Популярность создалась и привилась сама собой». Когда, послѣ недолгой службы въ Ларинской гимназій, В. Д. уѣхалъ въ 1871 г. въ Кіевъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто воспитателя и вмѣстѣ преподавателя русской словесности и исторіи въ только что открытой тогда коллегіи Павла Галагана, ученики-ларинцы были чрезвычайно огорчены разлукою съ любимымъ наставникомъ и завязали съ нимъ переписку, откровенно обращаясь къ нему за разрѣшеніемъ обычныхъ юношескихъ сомнѣній и вопросовъ. Не менѣе сильное вліяніе оказалъ В. Д. и на своихъ новыхъ учениковъ въ коллегіи, о чемъ свидѣлствуютъ воспоминанія г. Степовича, впоследствии директора этой же самой коллегіи ¹⁾. «Я узналъ Вас. Дм.», говоритъ онъ, «еще въ возрастѣ переходномъ отъ отрочества къ юности, т. е. въ то чудное время, когда душа открыта для чистѣйшихъ и прекраснѣйшихъ воздѣйствій и вліяній, когда она еще представляетъ собою для даровитаго и живого сѣятеля самую благодарную почву. Намъ было 18 юношей въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ: мы были первыми питомцами коллегіи, этого, въ высшей степени своеобразнаго для русской дѣйствительности, учрежденія: изъ холодной казенной гимназической среды мы попали въ семью молодыхъ воспитателей, воодушевленныхъ лучшими желаніями и идеями. Изъ воспитателей замѣтно выдѣлялся В. Д.—чѣ. Покойный обладалъ замѣчательнымъ воспитательскимъ тактомъ; ему отъкрыта была великая тайна вѣдательства надъ душами. Когда воспитатели раздѣлили насъ между собою для ближайшаго надзора, многіе изъ тѣхъ, кому, къ несчастью, не удалось попасть въ группу В. Д., искренне горевали, иногда даже пускались на разныя, очень небезопасныя для себя, уловки, чтобы только какъ нибудь

¹⁾ «Образованіе» за 1895 г. Декабрь.

попасть под начало незабвенного, любимого воспитателя». Это влияние на молодежь он завоевал «без всяких с его стороны видимых стараний, единственно лишь в силу своих высоких духовных качеств: сильного и трезвого ума и любящего сердца». Степовичъ, какъ круглый сирота, пользовался особеннымъ вниманіемъ воспитателя, который постоянно оказывалъ ему самую привѣтливую поддержку и, видя въ юношѣ пробуждающійся интересъ къ славяновѣдѣнію, постарался помочь ему правильнымъ, спокойнымъ освѣщеніемъ мудренаго славянскаго вопроса. Естественно, что въ каждую свободную отъ классныхъ занятій минуту В. Д. былъ окруженъ молодежью. «Его увлекательныя, разумныя бесѣды во время послѣобѣденныхъ прогулокъ до сихъ поръ памятны его бывшимъ ученикамъ. В. Д. было тогда всего 28 лѣтъ отъ роду; въ немъ самомъ было много юношескаго жара и задора, много любви къ разнаго рода физическимъ упражненіямъ, играмъ, поѣздкамъ на лодкѣ, далекимъ прогулкамъ. До сихъ поръ я не могу забыть одной изъ такихъ прогулокъ, совершенныхъ въ лѣто 1872 г. Это было цѣлое путешествіе пѣшкомъ по живописному берегу Десны изъ Козельца въ Остерь. Цѣлый день провели мы среди природы въ обществѣ незабвеннаго учителя и хотя очень устали, но были ему чрезвычайно благодарны». Не менѣе успѣшно, чѣмъ воспитательство, шли у молодого даровитаго педагога и уроки словесности и исторіи. Въ преподаваніи словесности онъ держался метода Стоюнина и умѣлъ примѣнять его превосходно.

«Мнѣ до сихъ поръ памятны», пишетъ Степовичъ, «его живые, толковые и чрезвычайно развивавшіе насъ разборы различныхъ литературныхъ произведеній, при чемъ искусно привлекался къ работѣ весь классъ; если мы наталкивались при этомъ на какой-либо теоретическій вопросъ изъ области этики или эстетики, то завязывались между воспитанниками споры, которыми очень умѣло руководилъ В. Д. и обыкновенно направлялъ ихъ къ какому-либо опредѣленному выводу. Грамматикой со взрослыми юношами ему, очевидно, было заниматься скучно, и эти уроки были у него суше, зато вопросы искусства вообще, и въ частности живописи, ваянія, зодчества, — чрезвычайно его занимали, и онъ любилъ выдвигать ихъ».

Разумѣется, такія прекрасныя, чисто человѣческія отношенія между воспитателями и воспитанниками могли установиться лишь потому, что во главѣ коллегіи стоялъ настоящій педагогъ, а не чиновникъ. Это былъ извѣстный В. В. Григорьевъ, личность ученая, благородная и гуманная. Къ сожалѣнію, онъ былъ вскорѣ вынужденъ обстоятельствами покинуть свой постъ. Новый директоръ, С. Н. Шафрановъ, былъ чловѣкъ иного склада и принялся вводить въ коллегіи другіе порядки: «заведены были не существовавшіе до того времени надзиратели, отняты у воспитанниковъ старшаго курса свободные часы, назначенные для пріученія ихъ къ разумному, самостоятельному

употребленію свободнаго времени, и обращены на занятія переводами съ латинскаго подъ руководствомъ самого директора» и т. п.

Все круто измѣнилось; началось повальное бѣгство учащаго персонала въ другія учебныя заведенія; многіе воспитанники также поспѣшили оставить коллегію. Между старшимъ классомъ и директоромъ возникли такія обостренныя отношенія, что, лишь благодаря такту и самоотверженію В. Д., первый выпускъ, «этотъ первенецъ коллегіи, былъ сохраненъ для заведенія».

Но затѣмъ и самъ воспитатель, не сходясь въ основныхъ педагогическихъ взглядахъ съ директоромъ, оставилъ въ 1874 г. службу въ коллегіи и вернулся въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто инспектора въ Васильеостровской женской гимназій. Однако, и коллегіанты, подобно ларинцамъ, не разорвали духовныхъ узъ со своимъ учителемъ и воспитателемъ, и между обѣими сторонами также завязалась обширная переписка. Со многими изъ бывшихъ учениковъ коллегіи у В. Д. установились дружественныя отношенія, длившіяся всю его жизнь. «Нужно было видѣть, какъ стремились коллегіанты къ В. Д., въ Петербургъ, какъ тепло и радушно встрѣчаль онъ ихъ, жертвуя для нихъ иногда значительной долею своего скуднаго досуга, а иногда и недосуга. Почетная попечительница коллегіи, Е. В. Галаганъ, неоднократно выражала желаніе видѣть его во главѣ коллегіи, но по разнымъ причинамъ этому желанію не суждено было осуществиться».

Въ Васильеостровской женской гимназій В. Д. проработалъ 10 лѣтъ въ качествѣ инспектора и преподавателя словесности и исторій. Какъ инспекторъ, онъ живо интересовался всѣми сторонами учебнаго дѣла гимназій и постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы ученицы не подвергались переутомленію. Это не значитъ, чтобы онъ былъ сторонникомъ сокращенія программъ, напротивъ того, онъ стоялъ за курсъ серьезный и основательный, но такой, гдѣ вниманіе обращалось бы на главное, а не останавливалось бы на ненужныхъ подробностяхъ. Выступая по необходимости въ роли экзаменатора (хотя онъ былъ принципиальнымъ противникомъ экзаменовъ), онъ и здѣсь оставался вѣренъ себѣ, требуя не массы фактовъ и деталей, которые иногда легко усваиваются привычною памятью, чтобы потомъ, послѣ экзаменаціоннаго искуса, быть забытыми навсегда, а прежде всего пониманія. Пишущей эти строки выпало на долю счастье быть его ученицей въ Васильеостровской гимназій, позже слушательницей его лекцій на Женскихъ Педагогическихъ Курсахъ и наконецъ его сослуживицей въ той же гимназій, и я могу сказать, что извѣстныя строки Некрасова:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
«Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное,
«Русекій народъ...»

были вполне подходящимъ эпиграфомъ къ адресу, который былъ поднесенъ В. Д. однимъ изъ выпускковъ Вас. женской гимназіи. Никакого формализма, никакого рутинерства, ничего чиновническаго, ремесленнаго не замѣчалось въ его дѣятельности; напротивъ того, всякій формализмъ, всякое ремесленное отношеніе къ великому дѣлу воспитанія онъ ненавидѣлъ до глубины души, насколько ненависть была свойственна его мягкой и благородной натурѣ. Дѣти чулки ко всему искреннему; мы чувствовали, что намъ не только говорятъ хорошія слова, которыя иногда могутъ говорить въ классѣ и по обязанности, но передается все то, что вошло въ плоть и кровь учителя, что составляетъ его задушевное убѣжденіе. Гете былъ правъ, говоря: «Нельзя найти дорогу къ сердцу, если твой голосъ исходитъ не изъ сердца». Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ учителей, которые, покончивъ со своими ежедневными обязанностями, сбрасываютъ вмѣстѣ съ вицъ-мундиромъ и интересъ къ своему дѣлу: если слышишь, что въ кругу товарищей В. Д. говорить громче и горячѣ обыкновеннаго, то можно держать пари, что онъ затронулъ какой-либо педагогическій вопросъ,—возстаетъ, можетъ быть, противъ ненормальностей современной школы или рассказываетъ о только что прочитанномъ ученическомъ сочиненіи, которое ему особенно понравилось. Такимъ образомъ, онъ всюду носилъ свое знамя. Одушевляясь самъ, онъ одушевлялъ и ученицъ и, держась того взгляда, что преподаваніе должно непременно возбуждать интересъ, на урокахъ словесности и исторіи считалъ необходимымъ останавливаться на тѣхъ эпохахъ и писателяхъ, которые могутъ заинтересовать молодежь. Нашъ педагогъ не понималъ, какъ можно отводить одинаковое мѣсто Лермонтову и какому-нибудь Лукѣ Жидятѣ, или на войнѣ Алой и Бѣлой Розы останавливаться такъ же долго, какъ и на эпохѣ Возрожденія. «Надо, чтобъ дѣти видѣли», говорилъ онъ, «что учитель тоже человѣкъ, а не говорящій учебникъ, что онъ не можетъ съ тѣмъ же интересомъ излагать сухіе и мелкіе факты, которыхъ не избѣжишь, потому что они въ программѣ, съ какимъ онъ говоритъ о важныхъ для человѣчества эпохахъ,—тѣхъ эпохахъ, гдѣ такъ много жизни и движенія». В. Д. особенно ожилился, когда очередь доходила до одного изъ его любимыхъ историческихъ періодовъ, или если ему приходилось читать классу произведеніе близкихъ его сердцу писателей—Гоголя и Тургенева; но, чуждый всего мертвенно-узкаго, не торопясь, во что бы то ни стало, закончить программу, онъ радъ былъ каждому вопросу, предложенному ученицей, если вопросъ этотъ доказывалъ, что слова его не прошли безслѣдно, а пробудили дремавшій умъ и заставили его начать пытливую работу. Какъ онъ радовался, когда убѣждался изъ отвѣтовъ класса, что та или другая его любимая мысль понята ученицами, и цѣль урока достигнута. «Благодарю васъ», говорилъ онъ, сіяя, и класстъ, видя успѣхъ работы, радовался вмѣстѣ съ нимъ. «Бе-

рите тономъ выше», твердилъ онъ начинающимъ учителямъ: «не спускайтесь слишкомъ къ уровню учениковъ—здѣсь легко впасть въ опасную крайность». Послѣдствія часто показывали, что В. Д. былъ правъ. Во время такихъ классныхъ бесѣдъ ученицамъ случалось, конечно, высказывать недозрѣлыя, непродуманныя мысли и скоропѣлыя сужденія, но В. Д. со свойственной ему деликатной добротой снисходительно и ободряюще относился къ этимъ робкимъ попыткамъ пробуждающагося ума, вступалъ въ споры и радовался, когда ученица умѣла отстоять свое мнѣніе. «Не бойтесь споровъ», говорилъ онъ не разъ: «споръ, если и не убѣдитъ противника, то все же посѣетъ въ немъ сомнѣніе въ собственной правотѣ, а это очень важно. Наконецъ, споръ имѣетъ и другую цѣнную сторону: онъ поможетъ вамъ самимъ лучше выяснитъ ваши взгляды».

Мы уже говорили, что В. Д., ради приученія дѣтей къ самостоятельной работѣ, любилъ давать сочиненія на *свою* тему; но, боясь, однако, появленія фразерства, онъ всегда предлагалъ ученицамъ заранее сообщать ему о выбранной темѣ. Фразерства онъ не терпѣлъ и каралъ за него, но мягко и добродушно, со свойственнымъ ему живымъ и деликатнымъ юморомъ;—предостерегалъ онъ и отъ ранняго щеголянія остроуміемъ: «Не забывайте», повторялъ онъ, «что остроуміе является часто въ ущербъ глубокимъ мыслямъ». Зато, замѣтивъ въ комъ-либо изъ ученицъ хотя проблескъ даровитости, В. Д. спѣшилъ разжечь эту искорку, зная, что она можетъ разгорѣться и согрѣтъ ее самую и тѣхъ, съ кѣмъ сведетъ ее жизнь. И въ Вас. гимназій, какъ раньше въ Ларинской, въ коллегіи Галагана и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавалъ В. Д. (онъ преподавалъ еще въ Маріинской женской гимназій, въ Патріотическомъ институтѣ и др.), его вліяніе простиралось и на внѣклассное чтеніе. Онъ не держался того взгляда, что книги для чтенія должны подвергаться строгой классификаціи въ зависимости отъ возраста учащихся и проходить чрезъ нѣсколько горниль,—напротивъ того, онъ полагалъ, что вредъ отъ неразборчиваго чтенія ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который происходитъ отъ невѣжества. На урокахъ исторіи В. Д. постоянно указывалъ на тѣ историческіе романы, которые хорошо иллюстрируютъ пройденный курсъ, и подъ его вліяніемъ мы зачитывались Вальтеръ-Скоттомъ. По его же мысли и подъ его руководствомъ въ гимназій устраивались литературные вечера, благодаря которымъ ученицы лучше и подробнѣе знакомились съ родной словесностью, а въ особенности съ писателями, не входившими тогда въ обычную программу (наприм., съ Островскимъ). Онъ не проходилъ молчаніемъ ни одного юбилея, ни однихъ литературныхъ поминокъ, и, не ожидая соответствующаго циркуляра, участвовалъ въ нихъ и дѣломъ, и словомъ. Читалъ онъ, какъ выше сказано, мастерски, и въ его чтеніи и величавый Лиръ, и ничтожный Подколесинъ выходили живыми личностями. Что ка-

сается танцевальных вечеровъ, то В. Д. былъ всегда противъ нихъ, «Не идетъ школъ», говорилъ онъ: «брать на себя устройство подобныхъ развлеченій».

Не могу не привести нѣсколькихъ фактовъ, которые какъ нельзя лучше, говорятъ о вліяніи этого замѣчательнаго педагога на его ученицъ. Говоря какъ-то о повѣсти Гоголя, «Старосвѣтскіе помѣщики», онъ сказалъ съ сокрушеніемъ: «И подумать только, что многія изъ васъ сдѣлаются со временемъ такими Пульхеріями Ивановнами». На бурный протестъ класса онъ возразилъ съ грустью, что такія превращенія совершаются сплошь и рядомъ, постепенно и почти незамѣтно; они тѣмъ и страшны, что въ нихъ, повидимому, нѣтъ ничего страшнаго: житейская пошлость одолеваетъ и мало-по-малу передѣлываетъ человѣка по своему. Я помню, какъ ученицы послѣ этого урока клялись чуть не аннибаловой клятвой не забывать предостерегающихъ словъ учителя.

Какъ у личности оригинальной и крупной, у В. Д. и на школьную дисциплину были своеобразные взгляды, вынесенные имъ изъ знаменательной эпохи 60-хъ годовъ. Эти взгляды нашли себѣ полное выраженіе въ его статьѣ «О школьной дисциплинѣ». Здѣсь авторъ рельефно провелъ разницу между дисциплиной кажущейся, результатомъ хорошо организованнаго полицейскаго надзора, и той дисциплиной, которая вытекаетъ изъ уваженія къ наставнику и интереса къ предмету преподаванія. Именно такая дисциплина царила на урокахъ В. Д.: самые буйные классы мгновенно умолкали, когда въ дверяхъ показывалась его фигура. Свой гуманный взглядъ на классную дисциплину онъ проводилъ и на педагогическихъ конференціяхъ: ему недостаточно было услышать о проступкѣ какой-нибудь ученицы, нѣтъ, какъ истый педагогъ, онъ желалъ всегда разъяснить мотивы этого проступка, чтобъ въ нихъ найти смягчающія, а можетъ быть, и совсѣмъ оправдывающія обстоятельства. Эти конференціи, на которыхъ онъ каждый разъ поднималъ интересные педагогическіе вопросы и съ живымъ участіемъ прислушивался къ оцѣнкѣ учащихъся, останутся навсегда памяты его товарищамъ, а для начинающихъ учителей онѣ были полезной, въ высшей степени поучительной школой.

Онъ всегда былъ вѣренъ этому мягкому, гуманному отношенію къ дѣтямъ. Случилось какъ-то, что вызванная имъ ученица не отвѣтила ни на одинъ изъ предложенныхъ ей вопросовъ, хотя многіе изъ нихъ поражали своей легкостью, и отвѣтъ на нихъ не представлялъ никакого затрудненія. Учитель не поторопился покарать ее единицей, какъ сдѣлали бы, пожалуй, другіе на его мѣстѣ, но, видимо, былъ огорченъ ее поведеніемъ. На слѣдующій разъ та же самая дѣвочка (дѣло было въ IV классѣ), ребенокъ капризный и избалованный, по собственной инициативѣ подошла къ нему и попросила извиненія: «Почему же вы не отвѣчали вчера?» мягко спросилъ ее В. Д.

«Изъ упрямства», отвѣтила дѣвочка съ полными слезъ глазами. «Я радъ, что вы сознались откровенно», просто и серьезно сказалъ ей учитель, и ученица ушла на свое мѣсто съ твердой рѣшимостью загладить свой проступокъ усердной работой по исторіи, въ чемъ и успѣла вполне. «Это не вапъ отвѣтъ, не правда ли?» замѣчалъ онъ иногда гимназисткѣ, и та, хотя и была извѣстна своей бойкостью, невольно потупляла голову подъ пристальнымъ взглядомъ его умныхъ, глубокихъ глазъ и шептала едва слышно: «Да, мнѣ подсказали». «Какъ тебѣ не стыдно было такъ огорчить В. Д.?» накидывались часто гимназистки на плохо отвѣчавшую подругу. Къ экзамену по исторіи и русской словесности мы усиленно готовились не изъ страха плохой отмѣтки, а оттого, что просто совѣстно было отвѣтить ему неудовлетворительно. При всей своей добротѣ онъ, встрѣтаясь съ лѣнью и незнаніемъ, высказывалъ самое глубокое негодованіе, которое дѣйствовало благотворно и на виновную, и на окружающихъ: въ такихъ случаяхъ, по его мнѣнію, не слѣдовало скрывать справедливаго гнѣва—для впечатлительной ученицы онъ можетъ оказаться спасительнымъ: она увидитъ его и пойметъ, что учитель недоволенъ потому, что успѣхъ дѣла особенно близокъ его сердцу.

Забываясь о томъ, чтобы ученицы получали надлежащую духовную пищу, такъ какъ «не о единомъ хлѣбѣ живѣ человѣкъ», добрый и великодушный инспекторъ не упустилъ изъ виду и того, что у многихъ гимназистокъ и этотъ обыкновенный хлѣбъ водится не въ изобиліи. Поэтому въ 1879 г. стараніями его, а равно и покойной главной надзирательницы С. К. Красовской, было основано при Вас. жен. гимназіи благотворительное общество, существующее и понынѣ; но бѣдныхъ было много, денегъ въ кассѣ общества было мало, и вотъ, чтобы не доводить до исключенія изъ гимназіи за невзносъ платы своихъ нуждающихся ученицъ, самъ В. Д. платилъ за ту или другую нерѣдко изъ собственныхъ скромныхъ средствъ, причемъ съ присущимъ ему тактомъ умѣлъ устраивать такъ, что самолюбіе дѣвушки, получавшей помощь, особенно чувствительное въ ранней молодости, было всегда пощажено.

Сердечное отношеніе къ учащимся никогда не покидало его, и ему всегда было пріятно узнать впоследствии о судьбѣ кого-либо изъ нихъ. «А вѣдь какой хорошій человѣкъ изъ нея вышелъ!» говорилъ онъ о какой-нибудь изъ своихъ бывшихъ ученицъ и скромно отпѣкивался, когда собесѣдники доказывали ему, что, если изъ этой дѣвушки вышелъ полезный членъ общества, то здѣсь его заслуга. Трудъ педагога часто бываетъ неблагодаренъ: опытъ научаетъ, что не всегда можно довѣрять тѣмъ результатамъ нашей работы, которые получаются, пока ученицы сидятъ на школьной скамѣ; настоящие результаты скажутся только потомъ, когда всѣ эти многочисленные пенци широко расправятъ свои молодые крылья и улетятъ *«in die weite Welt»*.

Зато сколько радости испытывает такой педагогъ, какъ В. Д., когда до него доходятъ отрадные вѣсти о бывшихъ питомцахъ. Многимъ изъ нихъ удалось выбиться и поднять на ноги цѣлыя семьи, благодаря лишь постоянному участію этого учителя съ широкимъ умомъ и золотымъ сердцемъ. Нѣкоторыхъ онъ побудилъ заняться литературнымъ трудомъ и далъ имъ такимъ образомъ въ руки постоянную духовную поддержку, такой ресурсъ, при которомъ несравненно легче переносить давящую житейскую пошлость и не поддаваться ей.

Какъ инспекторъ, В. Д. Сиповскій всегда входилъ въ положеніе служащихъ, стремился облегчить его, насколько это отъ него зависѣло, не разъ мужественно отстаивалъ онъ своихъ сослуживцевъ передъ высшимъ начальствомъ и, сдѣлавъ это, старался ступешаться, уклониться отъ горячаго выраженія благодарности. Щадя самолюбіе молодыхъ педагоговъ, онъ снисходительно относился къ ихъ ошибкамъ, неизбѣжнымъ въ началѣ труднаго поприща,—разъяснялъ промахи, ободрялъ недовольныхъ, считая такое «недовольство» вѣрнымъ залогомъ будущихъ успѣховъ. Онъ не прощалъ только равнодушія и легкаго отношенія къ дѣлу. Какъ опечалены были и дѣти, и служащіе, когда въ 1885 г. они узнали, что В. Д. покидаетъ Васильеостровскую гимназію, чтобы занять мѣсто директора училища глухонѣмыхъ. Прощаясь съ горячо любимымъ учителемъ, ученицы старшаго класса поднесли ему слѣдующіе стихи:

«Мы всѣ пойдемъ различными путями,
«И жребій въ жизни насъ различный ждетъ,
«Но все, все сказанное вами
«До гроба съ нами проживетъ.

* * *

«Намъ не забыть рѣчей гуманныхъ,—
«Рѣчей, исполненныхъ тепла,
«Желаній чистыхъ и прекрасныхъ
«Идти всегда путемъ добра.

* * *

«Пройдутъ минуты, дни и годы,
«Межъ насъ иныя отживутъ,
«Иныя встрѣтятъ лишь невзгоды,
«Иныя-жъ радости найдутъ.

* * *

«Какъ знать, что намъ судьба готовитъ?
«Но, вѣрьте, памяти о васъ
«Ничто мірское не изгонитъ,
«Жить будетъ вѣкъ она средъ насъ!»

Эти дѣтски-неумѣлыя строки трогательны, потому что онѣ дышатъ искреннимъ, хорошимъ чувствомъ. «Мы теряемъ въ васъ не только наставника, но и друга», писали ученицы въ прощальномъ адресѣ, «Воспоминаніе о Васѣ будетъ всегда соединено съ счастливѣйшими и лучшими днями нашего дѣтства и юности». Дѣйствительно, память о В. Д. продолжаетъ жить среди его духовныхъ дочерей.

Съ переходомъ въ училище глухонѣмыхъ для В. Д., по его собственному сознанію, настала самая трудная полоса жизни. Дѣйствительно, какъ онъ и говорилъ неоднократно, мѣсто было не по немъ: онъ былъ, какъ удачно выразился о немъ авторъ вышеприведенныхъ воспоминаній, Н. И. Позняковъ, преимущественно «человѣкъ кабинета и класса — литераторъ и педагогъ», а здѣсь на него легли сложныя административныя обязанности, въ томъ числѣ завѣдываніе мастерскими училища, типографіей, переплетной и т. п.; наконецъ, на немъ же лежалъ здѣсь и надзоръ за хозяйственной частью. Эти-то заботы и унесли, капля за каплей, его нѣкогда цвѣтущее здоровье. Благородный, великодушный, довѣрчивый, интеллигентный съ головы до ногъ, онъ неспособенъ былъ къ мелкимъ усчитываніямъ, къ постоянной подозрительности. Гораздо болѣе интересовала его въ училищѣ глухонѣмыхъ педагогическая часть, въ которой онъ и явился реформаторомъ. При немъ, по словамъ Н. М. Лаговскаго, автора историческаго очерка «С.-Петербургское училище глухонѣмыхъ», произошла полная реорганизація заведенія, при чемъ окончательно утвердился «устный методъ» обученія, смѣнившій прежній «мимическій». Для успѣшнаго хода дѣла, по инициативѣ В. Д., было составлено нѣсколько специальныхъ учебниковъ, и самъ директоръ принималъ участіе въ этой работѣ: онъ составилъ и напечаталъ книгу рассказовъ изъ Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта, приуроченныхъ къ особенностямъ новаго метода обученія, а также и «Записки по русской исторіи» для выпускнаго класса, гдѣ онъ самъ преподавалъ этотъ предметъ; но послѣднія, къ сожалѣнію, не были напечатаны. Но особенно онъ занялся, по словамъ цитируемаго нами автора, такъ сказать, воспитаніемъ «новыхъ учителей» въ «новомъ училищѣ», такъ какъ, находя приемы преподаванія и воспитанія въ училищѣ недостаточно гуманными, онъ хотѣлъ постепенно измѣнить старую воспитательную систему. «Воспитаніе новыхъ служащихъ велось Василіемъ Дмитріевичемъ двояко: путемъ частной бесѣды и путемъ общихъ собраній, или конференцій. В. Д. очень близко и подробно присматривался къ каждому изъ служащихъ на его работѣ и всегда находилъ поводъ и безобидный способъ поучать и направлять дѣйствія поучаемаго къ общему его и ему довѣренныхъ дѣтей благу. Частныя бесѣды его носили совершенно душевный, какъ бы отеческій характеръ. Нѣкоторые изъ молодыхъ кандидатовъ, дѣлая порой по горячности промахи въ воспитательномъ дѣлѣ, сами шли съ повинной къ В. Д., даже и въ томъ случаѣ,

когда отлично знали, что ошибка ихъ никѣмъ узнана быть не можетъ. Такова была увѣренность въ его добросердечномъ отношеніи къ дѣлу и человѣку». Обучение глухонѣмыхъ дѣло крайне трудное, оно неизмѣримо труднѣе преподаванія дѣтямъ нормальнымъ, но благодаря вліянію директора, послѣ каждой общей конференціи замѣчался подъемъ духа въ средѣ преподающихъ. «Легко работалось въ классѣ, легко переносились тягости воспитательной стороны дѣла». Съ обычной гуманностью В. Д. понималъ, сколько силъ отдавали его молодые сотрудники дѣлу, и всегда хлопоталъ объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія ¹⁾. Въ обращеніи съ ними онъ былъ чрезвычайно простъ и доступенъ, и хотѣлъ, чтобы они видѣли въ немъ не начальника, а товарища. Узнавъ однажды, что группа воспитателей и воспитательницъ отправляется въ театръ и жалѣть, что одинъ изъ коллегъ, какъ дежурный, не можетъ раздѣлится съ ними удовольствія, В. Д. сказалъ просто «Идите, я подежурю!»—и, дѣйствительно, продежурилъ до возвращенія молодежи изъ театра. Если онъ дѣлалъ замѣчаніе кому-либо изъ наставниковъ, или наставницъ, то всегда придавалъ ему мягкую и деликатную форму. «Не находите ли вы, что этотъ пріемъ надо нѣсколько измѣнить?»—говорилъ онъ преподавателю и внимательно выслушивалъ представляемые ему возраженія, входя въ обсужденіе тѣхъ или другихъ доводовъ оппонента. Вотъ въ силу такихъ, полныхъ уваженія къ сотрудникамъ, отношеній старые служащіе училища до сихъ поръ вспоминаютъ о времени директорства В. Д., какъ о золотой порѣ ихъ дѣятельности. Сколько онъ давалъ цѣнныхъ педагогическихъ указаній, какъ умѣло направлялъ молодую энергію воспитателей въ надлежащее русло!

Неусыпно заботясь объ участи несчастныхъ, обиженныхъ природою, воспитанниковъ училища, В. Д. старался, чтобы они вышли изъ школы вооруженными для борьбы съ жизнью. Изученіе ремеселъ при немъ было расширено, самыя мастерскія для старшаго возраста получили лучшую постановку. Обращеніе съ глухонѣмыми дѣтьми, вмѣсто прежнихъ грубыхъ пріемовъ старой школы (при первомъ появленіи В. Д. въ училищѣ онъ натолкнулся сейчасъ же на обычное наказаніе для строптивыхъ учениковъ—стояніе на колѣняхъ), приняло мягкія культурныя формы.

Люди уходятъ, но ихъ дѣла остаются, и вотъ хотя прошло 16 лѣтъ со времени смерти В. Д., но гуманныя традиціи, принесенныя имъ съ собой въ училище глухонѣмыхъ, продолжаютъ жить въ его стѣнахъ, по словамъ старыхъ сослуживцевъ рано умершаго директора.

Оставивъ послѣ назначенія на директорскій постъ всѣ уроки въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, В. Д. сохранилъ, однако, за собой

¹⁾ Его усилія увѣнчались успѣхомъ, и при немъ содержаніе учащаго персонала было значительно увеличено. Ред.

463052

лекціи русской исторіи на Женскихъ Педагогическихъ курсахъ, которыя онъ читалъ тамъ съ 1878 г., замѣнивъ покойнаго Б. А. Павловича, своего товарища и также талантливаго историка, рано похищеннаго смертію. Онъ держался здѣсь тѣхъ же взглядовъ, что и въ гимназій, обращая особенное вниманіе на исторію культуры, на внутренней смыслъ событій и цѣня, главнымъ образомъ, въ слушательницахъ самостоятельность работы. И на курсахъ онъ отличался въ качествѣ лектора рѣдкимъ умѣньемъ пробуждать сильный интересъ къ предмету. На экзаменахъ В. Д. цѣнилъ не столько твердое знаніе его собственныхъ лекцій, сколько степень начитанности слушательницъ въ исторической области, и требовалъ отъ нихъ, какъ отъ людей взрослыхъ, извѣстной стройности изложенія, гармоніи содержанія и формы. Увлекаясь и здѣсь своимъ предметомъ, онъ, случалось, забывалъ о позднемъ часѣ и тутъ же, на экзаменѣ, принимался за разъясненіе любимыхъ мыслей и положеній. Многимъ изъ его слушательницъ, я думаю, хорошо памятна та горячая, исполненная одушевленія рѣчь, которую произнесъ В. Д. 19 февраля 1880 года, въ день 25-лѣтія царствованія Александра II. Онъ нарисовалъ въ ней яркую картину дореформенной Россіи, которая была—

«Въ судахъ черна неправдой черной
«И игомъ рабства клеймена».

Какъ дрожалъ и прерывался отъ хорошаго, душевнаго волненія его мягкій, симпатичный голосъ, когда онъ затѣмъ перешелъ къ великимъ реформамъ 60-хъ годовъ и выяснилъ аудиторіи, какія широкія перспективы развернули онѣ передъ русскимъ народомъ, какія таились въ нихъ надежды на лучшее будущее. Онъ зналъ, что многимъ изъ этихъ надеждъ далеко было до осуществленія, но онъ былъ оптимистъ, какъ всѣ шестидесятники.

Въ эту нелегкую, какъ уже сказано, пору его жизни освѣщеніемъ для него служилъ любимый журналъ, который онъ издавалъ съ 1876 г. сначала подъ именемъ «Женскаго Образованія», а съ 1892 г. подъ именемъ «Образованія» (съ 1892 г. программа журнала была значительно расширена). Педагогическіе журналы у насъ читаются немногими: «мы лѣнны и не любопытны», сказалъ Пушкинъ; поэтому средства на изданіе были скудны, и В. Д. совмѣщалъ въ своемъ лицѣ редактора, издателя, секретаря и присяжнаго сотрудника - хроникера; какъ хроникеръ, онъ прочитывалъ, въ поискахъ матеріала, массу русскихъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ, не говоря уже о педагогической иностранной прессѣ. Онъ самъ лично держалъ и корректуру всѣхъ статей. Журналъ бралъ у него не только много времени, но поглощалъ и массу денегъ, такъ какъ всегда щедрый редакторъ не только никогда не отказывалъ со-

трудникамъ въ авансахъ, но и платилъ часто гонораръ за статьи еще не написанныя, которыя потомъ такъ и не появлялись въ свѣтъ,—давалъ впередъ и за статьи еще не прочитанныя, руководясь лишь жалкимъ видомъ неизвѣстнаго автора, а статья оказывалась потомъ никуда негодной. Постоянные сотрудники журнала могли засвидѣтельствовать широкую терпимость В. Д., его постоянное уваженіе къ чужому мнѣнію; но онъ былъ врагомъ рѣзкой, хлесткой критики, и она не имѣла мѣста въ его журналѣ. Не взирая на небольшіе размѣры журнала, онъ сумѣлъ сгруппировать вокругъ него сотрудниковъ съ такими блестящими педагогическими именами, какъ В. П. Острогорскій, А. Н. Страннолюбскій, Д. Д. Семеновъ. Это были не только цѣнные его сотрудники, но и личные друзья В. Д., высоко его цѣнившіе.

Помимо журнальной работы, какъ извѣстно, изводящей своей неумолимой срочностью, такъ что передъ выходомъ очередной книжки В. Д. не имѣлъ ни минуты отдыха, онъ немало времени посвящалъ своему капитальному труду: «Родной Старинѣ», отечественной исторіи въ разсказахъ и картинахъ, а затѣмъ «Исторіи древней Греціи» (къ сожалѣнію, успѣла выйти только 1-ая часть этой послѣдней). Оба сочиненія составлены такъ живо и интересно, съ такимъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ дѣйствовать на юныхъ читателей, что и до сихъ поръ, несмотря на крупные шаги, сдѣланные за послѣднее время исторической наукой, безъ нихъ не можетъ обойтись ни одна школьная библіотека, и въ каждой изъ нихъ приходится заводить по нѣсколько экземпляровъ и той, и другой книги, такъ какъ они берутся нарасхватъ и учащими, и учащимися. Такимъ же неизмѣннымъ успѣхомъ пользуется и историческій очеркъ В. Д.: «Сократъ». Личность знаменитаго греческаго мудреца особенно занимала нашего историка, и уроки, ему посвященные, выходили у него наиболѣе блестящими. «Съ какой любовью шла у него эта работа!» вспоминаетъ Н. И. Позняковъ. «Съ какой охотой онъ разыскивалъ источники, обращался за совѣтами къ авторитетнымъ ученымъ, радъ былъ каждому новому свѣдѣнію, приглашалъ художниковъ для иллюстрированія своего труда, рылся въ иностранныхъ сочиненіяхъ, добывая подходящіе рисунки». Какъ огорчался онъ, когда листы его книги возвращались ему изъ цензуры испещренные краснымъ карандашомъ. То были вѣдь недоброй памяти 80-ые годы, когда и самыя невинныя строки, касавшіяся даже отдаленнаго прошлаго, часто вычеркивались не въ мѣру усерднымъ цензоромъ.

Всѣмъ этимъ еще не исчерпывалась многообразная дѣятельность Вас. Д. — ча: онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, и самъ нерѣдко выступалъ въ нихъ со своими педагогическими рефератами. Такъ еще въ 1871 г. онъ читалъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ свой, возбудившій оживленные пренія, рефератъ: «О препо-

даваніи исторіи», при чемъ самымъ сильнымъ оппонентомъ, по собственному сознанию автора реферата, была юная С. К. Кавелина (Брюлова), память которой онъ почтилъ впоследствии прочувствованнымъ некрологомъ. Въ 1888 г. въ засѣданіи Комитета грамотности (теперь уже не существующаго) В. Д. сдѣлалъ обстоятельный докладъ о педагогическихъ заслугахъ покойнаго Стоюнина. Если въ этихъ обществахъ затрагивался какой-нибудь живой вопросъ, В. Д. непременно принималъ самое горячее участіе въ его обсужденіи.

Такая кипучая работа, не позволявшая ему предаться хотя бы кратковременному отдыху (несмотря на все свое желаніе, В. Д.—чу никогда не удавалось съѣздить за границу), не могла не отразиться на здоровьѣ талантливаго труженика. Осенью 1893 г., когда исполнилось 25-лѣтіе педагогической дѣятельности В. Д., друзья и сотрудники пожелали почтить его юбилейнымъ обѣдомъ. Въ числѣ произнесенныхъ тогда рѣчей особенно блестящей вышла рѣчь А. Я. Острогорскаго, тоже теперь покойнаго. Онъ, однако, употребилъ въ ней одну неудачную фразу, сказавъ, что онъ не видѣлъ начала дѣятельности юбиляра, ораторъ прибавилъ, что «зато онъ теперь присутствуетъ при заключительныхъ аккордахъ художественно исполненной симфоніи». Это выраженіе оказалось пророческимъ: то были, дѣйствительно, «послѣдніе аккорды». В. Д. мечталъ, выслуживъ пенсію, отказаться отъ директорства и, вполнѣ устроивъ сына, поселиться гдѣ-нибудь на югѣ и заняться новыми историческими трудами. Этимъ мечтамъ не суждено было сбыться: лѣтомъ 1895 г., послѣ бурной конференціи въ училищѣ, на которой В. Д. горячо отстаивалъ свои педагогическіе взгляды, съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, и чрезъ два дня его не стало; онъ скончался 21 іюля въ 6 ч. утра въ лѣтнемъ помѣщеніи училища глухонѣмыхъ, въ селѣ Лисино, на станціи Тосна, и былъ похороненъ 23 іюля на Смоленскомъ кладбищѣ.

Пожалуй, читатели скажутъ, что мы написали панегирикъ, а не біографію, но мы не скрываемъ, что и покойный В. Д. имѣлъ, можетъ быть, недостатки, свойственные и самымъ прекраснымъ людямъ. Многіе находятъ, что, какъ профессоръ, онъ не стоялъ такъ высоко, какъ учитель,—самое разнообразіе его работъ обуславливало возможность пробѣловъ въ нихъ. Но онъ первый и отмѣчалъ эти пробѣлы: въ немъ постоянно жило то «святое недовольство», съ которымъ «не убъжишь изъ строя». Потому-то онъ не убѣждалъ, а палъ въ строю. Незадолго до смерти онъ самъ изложилъ свою автобіографію въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Когда въ жизнь я вступалъ,
«Словно рекрутъ въ бою,
«Я блѣднѣлъ, трепеталъ;

«Бой меня ужасаль,
«И недвижимъ стоялъ
«Я въ послѣднемъ строю.
«Но кипѣлъ жаркій бой,
«Онъ меня охмѣлилъ,
«И съ отвагой шальной,
«Какъ солдатъ молодой,
«Я кидался въ тотъ бой
«И себя не щадилъ...
«Я въ бояхъ побывалъ,
«Много вынесъ я ранъ,
«Много бѣдъ испыталъ,
«Смерть я близко узналъ—
«Я друзей погребалъ!
«Я теперь—ветеранъ!
«И на кличъ боевой
«Я навстрѣчу врагамъ
«Пойду твердой ногой
«На смертельный ужъ бой,
«И цѣной дорогой
«Жизнь врагу я продамъ!

Дѣйствительно, въ этихъ стихахъ выразилась вся жизнь его. Говоря словами его близкаго друга и сотрудника, извѣстнаго педагога В. П. Острогорскаго, «онъ прожилъ тяжелую эпоху и разочарованій, и небывшихся упованій и надеждъ,—эпоху борьбы свѣта съ тьмой, эпоху тяжелыхъ утратъ, эпоху, которая сломила цѣлые ряды людей мысли и дѣла. А онъ, нашъ покойный другъ, выступившій въ путь сначала робко и неувѣренно, все крѣпнѣя духомъ, и умеръ, какъ солдатъ на посту, не измѣнивъ себѣ до конца. Съ нимъ вмѣстѣ сошелъ съ жизненнаго поприща одинъ изъ послѣднихъ педагогическихъ могиканъ просвѣтительной эпохи («Памяти В. Д. Сиповскаго» В. П. Острогорскаго. «Образованіе» январь 1896 г.).

Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ «рыцарей духа», ряды которыхъ рѣдѣютъ съ каждымъ годомъ, но безъ нихъ нива жизни заглохла бы и окончательно поросла сорной травой. Еслибъ больше было такихъ педагоговъ, не раздавались бы такъ часто нападки на бѣдную русскую школу. «Всякій, кто имѣлъ счастье приходиться въ соприкосновеніе съ В. Д.», пишетъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его кончины А. Я. Острогорскій, «выносилъ на всю жизнь радостное, возвышающее воспоминаніе объ этомъ идеалистѣ, всѣмъ существомъ своимъ олицетворявшемъ свѣтлый образъ истиннаго учителя». (См. «Обр.» 1905 г.).—«Вся его жизнь, прекрасная, безупречная, была исполнена одного стремленія—помочь русскому народу, приблизить его къ свѣту, къ знанію, которые онъ умѣлъ цѣнить» (Ibid).

II.

Педагогическіе взгляды.

В. Д. Сиповскій проработалъ, какъ мы видѣли, 27 лѣтъ на педагогической аренѣ и былъ не только теоретикомъ, но и практикомъ-педагогомъ, почерпавшимъ свои выводы изъ непосредственныхъ наблюденій и опытовъ. Замѣчательно то, что, не смотря на неизбѣжно связанную съ карьерой русскаго педагога разочарованіе и неудачи, идеализмъ никогда не покидалъ его. Вѣра въ человѣка, въ даровитаго русскаго человѣка въ особенности, всегда поддерживала его въ трудныя минуты.

Онъ вѣрилъ поэтому и въ свое дѣло, въ святость своего призванія и съ горестнымъ изумленіемъ слушалъ рѣчи тѣхъ учителей-восьмидесятниковъ, которые, смотря часто на уроки только, какъ на средство къ существованію, мало интересовались результатами своего преподаванія и вели его, какъ попало, не задумываясь надъ вопросами воспитанія, не страдая отъ мучительныхъ сомнѣній.

Взглядъ Сиповскаго на учителя, какъ на служителя высокой идеи, лучше всего выразился въ его статьѣ: «Учитель и учительница» («Жен. Обр.» 1891 г. № 1).

«Что такое учитель?» говоритъ онъ въ началѣ статьи. «Если посмотреть на этотъ вопросъ съ идеальной точки зрѣнія, то надо отвѣтить такъ: учитель это лицо, посвящающее свои труды одному изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ дѣлъ—развитію духовныхъ силъ подрастающихъ поколѣній, руководству ихъ на пути къ истинѣ, возбужденію въ нихъ жажды къ ней и утоленію ея живыми и плодотворными знаніями, добытыми наукою».

Отсюда ясенъ выводъ: дѣятельность, преслѣдующая подобныя возвышенныя цѣли, требуетъ и особаго призванія, и спеціальной подготовки.

Съ жаромъ защищая необходимость педагогической подготовки, покойный педагогъ отвергалъ, однако, цѣлесообразность учитель-

скихъ интернатовъ, совѣтуя лучше прикомандировывать молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя учительскому дѣлу, къ одной изъ петербургскихъ гимназій, съ цѣлью практическаго ознакомленія съ педагогикой, при чемъ по истеченіи назначеннаго срока кандидатъ подвергается испытанію въ особой комиссіи изъ преподавателей избраннаго имъ предмета и инспектора, или директора. Что касается учительскихъ интернатовъ, то В. Д. всегда относился къ нимъ отрицательно, указывая на нежелательность той нивелировки, къ которой приводить молодыхъ людей интернаты.

Указывалъ В. Д. и на тѣ обстоятельства, которыя мѣшали правильной постановкѣ у насъ педагогическаго дѣла. Привлечь молодежь къ этому поприщу, усѣянному терніями, можно лишь съ помощью слѣдующихъ условій: 1) повышенія содержанія и пенсій, 2) поднятія служебнаго положенія учителя и 3) предоставленія ему болѣе свободъ дѣйствій. Въ особенности же необходимы для оживленія учительской работы съѣзды, курсы, педагогическія общества (см. ст. «Учитель и учительница»).

Не мало вредитъ дѣлу разнь школы съ обществомъ и казенное отношеніе наставниковъ къ дѣтямъ и ихъ родителямъ. Рѣдко услышите вы отъ послѣднихъ одобрительные отзывы о преподавателяхъ, обучающихъ ихъ дѣтей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, зато часто увидите враждебное чувство къ нимъ, какъ къ «бездушнымъ чиновникамъ, для которыхъ какіе-то пункты и параграфы какихъ-то инструкцій дороже живыхъ людей». Вотъ почему еще въ 1891 г. В. Д. говорилъ въ своемъ журналѣ о необходимости допустить родителей на школьныя конференціи, такъ какъ, «игнорируя сближеніе съ семьей, школа лишается могучей, образовательной силы, которая могла бы освѣтить ей не одну ученическую натуру съ ея особенностями».

Впрочемъ, и малая культурность большинства родителей служить иногда тормазомъ при улучшеніи педагогическаго дѣла: они прежде всего думаютъ о томъ, чтобъ «дѣти ихъ учились поменьше, а правъ получили побольше»; даже идеально обставленная общеобразовательная школа рисковала бы остаться безъ учениковъ, еслибъ окончаніе курса въ ней не давало никакихъ правъ (Ibid).

Нападая на недостатки средней школы, Вас. Дм. отдавалъ, тѣмъ не менѣе, должную справедливость женскому учительскому труду и, еслибъ ему удалось дожить до нашего времени, онъ съ радостью отмѣтилъ бы расширеніе правъ учительницы: теперь разрѣшается лицамъ, окончившимъ Высшіе Женскіе Курсы или Женскій Педагогическій Институтъ, преподавать и въ старшихъ классахъ гимназій. Какъ убѣжденный сторонникъ высшаго женскаго образованія, В. Д. немало потрудился надъ разработкой этого вопроса, уже переставшаго теперь

быть вопросомъ, такъ какъ въ наше время правъ женщины на высшее образованіе никто не рѣшается оспаривать.

Впрочемъ, относительно учителей авторъ совсѣмъ не выступаетъ въ роли прокурора; онъ указываетъ, какъ мы видѣли выше, на отрицательныя стороны школьнаго строя, которыя не могли содѣйствовать возбужденію въ учащихся интереса къ дѣлу. Не можетъ этому, конечно, содѣйствовать и недостаточное содержаніе учителя, заставляющее его иногда обращаться въ своего рода ремесленника, который, ради обезпеченія семьи, набираетъ массу уроковъ и весь день рыщетъ по городу изъ конца въ конецъ. В. Д. находилъ, что, въ интересахъ справедливости, слѣдовало бы приравнять учительское содержаніе и служебное положеніе къ профессорскому, такъ какъ даровитый преподаватель средне-учебнаго заведенія не менѣе принесетъ пользы, чѣмъ кабинетный ученый. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ горячей похвалой отзывался о народныхъ учителяхъ, среди которыхъ, подобно учительницамъ, встрѣчаются нерѣдко лица, «до самозабвенія преданныя своему дѣлу,—настоящіе миссіонеры просвѣщенія». Конечно, педагогическое превосходство народныхъ учителей надъ учителями средней школы объясняется и ихъ спеціальной подготовкой въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ. Оставаясь справедливымъ, В. Д. вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалъ и недостатки, иногда свойственные педагогамъ начальной школы—склонность придавать преувеличенное значеніе методическимъ приемамъ въ ущербъ сторонѣ реальной, т. е. содержанію урока.

Чему же учить, чтобы поставить дѣло рациональнѣе? Въ младшихъ классахъ надо избѣгать многопредметности. «Не привыкшіи къ работѣ дѣтскій умъ теряется и не можетъ совладать со многими разнородными знаніями». Разбирая въ этой же статьѣ: «Чему и какъ учить?» цѣлесообразность каждаго изъ учебныхъ предметовъ, авторъ высказываетъ о преподаваніи ихъ много вѣрныхъ и цѣнныхъ мыслей.

«Занятія Закономъ Божіимъ», говоритъ онъ, «часто обращаются въ заурядную долбню, а между тѣмъ какой богатѣйшій матеріалъ представляетъ Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета для воспитанія ума, чувства и воли!» Особенно большое значеніе придавалъ В. Д. правильной постановкѣ преподаванія родного языка, предлагая отводить на этотъ предметъ не менѣе 6 часовъ въ недѣлю въ первыхъ 5 классахъ. Что касается словесности, то, вмѣсто кропотливаго труда надъ ея теоріей и исторіей, слѣдуетъ лучше заниматься съ учениками чтеніемъ художественныхъ произведеній. «Ничто такъ сильно, глубоко и при хорошемъ выборѣ въ высшей степени плодотворно не дѣйствуетъ, какъ художественныя произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей. (См. ст. «Чему и какъ учить»). Тѣ же самыя мысли повторены въ рѣчи, произнесенной въ 1883 г. въ Васильеостр. женск. гимназін послѣ панихиды по Тургеневу: «Великій писатель есть и великій на-

ставникъ, раскрывающій для насъ смыслъ той очень мудреной книги, которую мы называемъ «жизнь»; наставникъ, зажигающій наши сердца той любовью ко всему, что стоитъ любить, какою пламенѣтъ его собственная душа».

Ни одна деталь учебнаго дѣла не ускользнула отъ его пытливаго вниманія, и каждому преподавателю русскаго языка не мѣшаетъ прочесть его интересную «Записку объ ученическихъ сочиненіяхъ».

Взглядъ В. Д. на преподаваніе исторіи и географіи многимъ, пожалуй, покажется оригинальнымъ. Лучше пройти, по его мнѣнію, лишь часть всеобщей исторіи (одну древнюю, напримѣръ), но такъ, чтобъ учащіеся поняли главный смыслъ этого предмета. Въ географіи слѣдуетъ также останавливаться только на самыхъ типическихъ фактахъ, стараясь пріохотить учениковъ къ самостоятельному чтенію научныхъ сочиненій, доступныхъ ихъ возрасту.

Большое вниманіе удѣляетъ В. Д. Сиповскій естествознанію, хотя этотъ предметъ считался въ его время опальнымъ. И здѣсь онъ, какъ истый педагогъ, цѣнитъ не количество, а качество знанія. Наблюденіе и опытъ—вотъ что должно быть выдвинуто на первый планъ; главная роль принадлежитъ самостоятельности учащихся. Пусть они изучаютъ «живую природу». Отсюда вытекаетъ, само собою разумѣется, необходимость экскурсій, бывшихъ тогда еще рѣдкою. (Ibid).

Сказанное авторомъ о преподаваніи математики также не устарѣло до сихъ поръ; да оно и понятно при черепашемъ ходѣ русской педагогики. Преподаваніе математики должно быть упрощено, а не сводиться къ рѣшенію задачъ, непременно сложныхъ, запутанныхъ и замысловатыхъ, обращающихъ математику, «науку по существу простую, ясную и строго-логичную, въ какую-то китайскую головоломку», недоступную для доброй трети учащихся. «Задачи должны быть лишь простыми примѣрами, подтверждающими теорію».

Языкѣ—«самое больное мѣсто современнаго воспитанія». Вѣрный и здѣсь своему основному положенію, В. Д. предлагаетъ изучить одинъ иностранный языкъ, но изучить основательно, занимаясь живой рѣчью въ ея проявленіяхъ, а не мертвящей умъ грамматикой. И эта идея его привилась: въ средней школѣ теперь уже изучаютъ языки именно по новому, натуральному методу.

Разсматривая всестороннюю организацію современной ему школы, авторъ находитъ, что она пренебрегаетъ воспитаніемъ физическимъ, и вотъ дѣти привыкаютъ къ сидячей жизни, къ нездоровой комнатной атмосферѣ, и у нихъ развивается иногда боязнь чистаго воздуха и движенія.

Установивъ, чему учить, слѣдуетъ точно опредѣлить, *какъ* учить. Здѣсь В. Д. опять таки повторяетъ свою любимую мысль, что простое

усвоеніе научной истины въ готовой формѣ не имѣетъ большого педагогическаго значенія; неизмѣримо важнѣе для воспитанія ума процессъ *раскрытія истины*, причемъ учащимся предоставляется большая доля самодѣтельности. Не слѣдуетъ увлекаться вопросной системой, но тѣмъ не менѣе надо придавать урокамъ характеръ живой бесѣды, изучая новый матеріалъ въ классѣ.

Въ связи съ своими справедливыми нападками на мертвенность преподаванія, сводящагося лишь къ голому контролю, къ комментированію учебника, покойный В. Д. энергично нападалъ на существующую систему экзаменовъ, изъ-за которой учителя не столько думаютъ о разумномъ преподаваніи своего предмета, сколько о приготовленіи учениковъ къ экзамену, на которомъ, въ сущности, «испытывается только память испытуемыхъ» (см. ст. «Экзамены или репетиціи»).

Въ доказательство того несомнѣннаго положенія, что экзамены вредно вліяютъ не только на физическое, но и на нравственное здоровье учащихся, была помѣщена однажды въ его журналѣ замѣтка о слѣдующемъ печальномъ фактѣ. Двѣ кандидатки на первую золотую медаль шли одинаково по всѣмъ предметамъ; но на послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ одна изъ нихъ сплеховала. В. Д., тутъ присутствовавшій, самъ видѣлъ, какъ ея соперница при этомъ просіяла и благодарно перекрестилась. Замѣтка вызвала неудовольствіе со стороны высшаго начальства, но В. Д. въ своихъ статьяхъ, тѣмъ не менѣе, еще нѣсколько разъ обращался къ тому же вопросу.

Признавая необходимость обозрѣнія предмета въ его цѣломъ, онъ отдавалъ предпочтеніе репетиціямъ передъ экзаменами.

Съ постановкой обученія неразрывно связана и школьная дисциплина: духъ школы равно отражается на той и на другой изъ этихъ сторонъ. Этой дисциплинѣ В. Д. посвятилъ особый этюдъ со слѣдующимъ выразительнымъ эпиграфомъ: «Управлять собой есть самое трудное изъ всѣхъ искусствъ».

Важнѣйшая ошибка школьной дисциплины состоитъ въ томъ, что она считаетъ своей главнѣйшей цѣлью внѣшнее благочиніе. «Преждевременными (такъ какъ они предъявляются маленькимъ дѣтямъ) дисциплинарными правилами профанируется законъ: вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на выраженіе нравственнаго долга, въ школѣ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкаютъ видѣть въ немъ мелочныя, произвольныя, излишнія требованія лицъ, облеченныхъ властью, могущихъ наказывать. Наказанія же не только утрачиваютъ нравственное значеніе, но мало-по-малу отъ частаго употребленія и вовсе теряютъ даже свое устрашающее значеніе, если только постепенно не возрастаетъ и суворость ихъ». (См. статью «О дисциплинѣ въ школѣ»).

Но какъ же прививать тогда дѣтямъ хорошія свойства, необходи-

мья для каждаго порядочнаго, культурнаго человѣка? Отнюдь не посредствомъ слишкомъ рано навязываемыхъ правилъ, а путемъ практики, примѣра, упражненія.

Мы знаемъ, что В. Д., при его широкихъ просвѣтительныхъ взглядахъ, не могъ писать только о вопросахъ узко-школьныхъ. Его перо съ чисто-публицистическимъ жаромъ неразъ трактовало о важности высшаго женскаго образованія. Мы упоминали уже, что этого положенія теперь никто не рѣшится оспаривать открыто, но тайные враги и въ настоящее время имѣются у высшихъ женскихъ курсовъ. Что же говорить о томъ времени, когда горячо ратовали за нихъ Сиповскій, т. е. о 70-хъ годахъ прошлаго вѣка? Воюя со своими многочисленными оппонентами, онъ старался доказать, что вопросъ о расширеніи женскаго образованія, какъ и связанный съ нимъ вопросъ о расширеніи сферы женскаго труда, выдвинуты самой жизнью, ежегодно растущимъ процентомъ незамужнихъ и необеспеченныхъ матеріально женщинъ.

Уравненіе мужскаго и женскаго образованія необходимо не только для расширенія сферы женскаго труда, но и для процвѣтанія семейной жизни. «Только въ томъ обществѣ семья можетъ стоять на надлежащей нравственной высотѣ, гдѣ между мужемъ и женой нѣтъ большой разницы въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Связь людей между собою обусловливается, главнымъ образомъ, единствомъ, совпаденіемъ интересовъ (см. «Ж. Обр.» 1877 г. ст. «Къ вопросу о женскомъ образованіи и трудѣ»).

Изъ всего вышеизложеннаго читатели, полагаю, уже составили себѣ представленіе о свѣтлой личности рано умершаго педагога и объ его педагогическихъ взглядахъ. «Что же нужно прежде всего нашей родинѣ?» неоднократно спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ заключается въ эпитафій къ его статьѣ «Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ» («Семья и Школа» 1872 г. № 5). Это слова Паисія Лигарида: «Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣтилъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ — училища и въ-третьихъ — училища». Повторяя эти знаменательныя слова умнаго грека въ другой статьѣ: «Образованіе и Школа» («Ж. Обр.» 1890 г.), авторъ доказываетъ, что вопросъ о просвѣщеніи для Россіи—вопросъ самый насущный и жизненный, отъ рѣшенія котораго зависитъ и настоящее, и будущее нашего отечества. За тѣ 20 лѣтъ, которыя протекли со времени появленія его статьи, дѣло не улучшилось, и попрежнему у насъ мало людей просвѣщенныхъ. «Мы въ ужасѣ пришли бы», продолжаетъ авторъ, «если бы оказалось, что на десять тысячъ солдатъ у насъ нашелся бы всего одинъ человѣкъ, способный руководить этою массою людей, и не ужасаемся, что на двадцать тысячъ человѣкъ населенія приходится у насъ только одинъ

человѣкъ, получающій высшее образованіе. А это дѣйствительно ужасно, ужасно тѣмъ, что мы, всегда готовые дать могучій отпоръ врагу, который осмѣлился бы посягнуть на нашу территорію, въ то же время рискуемъ потерять вполне нашу самобытность подъ натискомъ западно-европейской культуры».

Что касается среднего и высшаго образованія, то взгляды на него автора намъ уже извѣстны. Онъ, однако, напоминаетъ читателю, что школьное образованіе еще не все. «У насъ и между людьми, получившими высшее образованіе, не рѣдкость встрѣтить своего рода «рецидивистовъ», которые утрачиваютъ безслѣдно полученное ими образованіе, такъ какъ оно къ дѣлу часто вовсе не примѣняется, въ житейскомъ обиходѣ почти не требуется, въ семейномъ быту, при низкомъ уровнѣ образованія женщины, значенія тоже не имѣетъ. Но если школа не оканчиваетъ воспитанія человѣка и предоставляетъ жизни довоспитать его, то все же, какъ выше сказано, значеніе ея велико; но она «только тогда исполняетъ свое назначеніе, когда, возбуждая умственный интересъ, даетъ импульсъ человѣку къ разумной, сознательной жизни и къ самосовершенствованію». Всякій имѣетъ право на такое драгоценное имущество, какъ облагороженные чувства, разумные принципы, высокій нравственный идеалъ, а такъ какъ школа помогаетъ выработкѣ этого великаго достоянія, то всякій имѣетъ право пройти черезъ школу, такъ что она на всѣхъ ступеняхъ должна быть открыта всѣмъ желающимъ и могущимъ учиться, безъ различія сословій и состояній. Вотъ взглядъ, который постоянно и настойчиво проводился покойнымъ В. Д.

Развивая дальше свое мнѣніе, онъ утверждалъ, что всѣ учебныя заведенія въ странѣ должны составить со временемъ одно стройное органическое цѣлое, такъ что изъ низшаго училища можно будетъ безъ всякаго затрудненія перейти въ соответствующее высшее.

Въ своей статьѣ «Образованіе и школа» В. Д. далъ намъ обстоятельно разработанный проектъ такой нормальной постановки школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, при которой всякій будетъ въ состояніи избрать себѣ школу по силамъ, по средствамъ и по наклонностямъ.

Если не согласится со всѣми деталями программы, то самыя ея принципы: всеобщность, доступность обученія до сихъ поръ являются даже въ наше время желанной мечтой, хотя В. Д., полный благородной и чистой вѣры въ близкую осуществимость своего проекта, не считалъ своей программой утопій. «Предразсудки и предубѣжденія, мѣшающіе правильному ходу общественнаго развитія» говорилъ онъ, «можно сравнить съ подводными скалами и порогами, нарушающими ровное, спокойное теченіе рѣки. Какъ эти послѣдніе не въ состояніи сдерживать естественное стремленіе рѣки, а могутъ только заставить ее бурлить, пѣниться, пробивать себѣ новыя боко-

вые пути, такъ и предрасудки, враждебные общественному прогрессу, не въ силахъ остановить его, а могутъ только превращать спокойный, ровный ходъ развитія въ порывистый и сбивать его съ прямой дороги на разные обходные кривые пути. Въ томъ-то и благо для общества, чтобъ «вопросы времени» рѣшались *своевременно*. Когда пропускается удобное время для ихъ рѣшенія, тогда они уже обращаются въ общественные недуги» (Ж. О. 1876 г. ст. «Положеніе у насъ вопроса о высшемъ женскомъ образованіи»).

Тѣ крупныя статьи покойнаго Вас. Д—ча, о которыхъ мы говорили на предыдущихъ страницахъ, были только каплей въ морѣ его огромной журнальной работы: хроникѣ въ своемъ журналѣ онъ велъ преимущественно самъ, обращая вниманіе читателей на всѣ явленія педагогической злобы дня. Всего же болѣе занималъ его вопросъ о введеніи у насъ всеобщаго обязательнаго обученія. Своего постоянного сотрудника, также шестидесятника и «одного изъ стаи славныхъ», покойнаго Д. Д. Семенова, онъ просилъ помѣщать въ «Ж. Обр.» постоянные отчеты о состояніи начальныхъ городскихъ училищъ въ Петербургѣ, интересовался ихъ организаціей, ихъ программами, радовался ихъ росту (вѣдь они возникли у него на глазахъ) и высоко ставилъ трудъ городскихъ учительницъ. Неразъ болѣло у него сердце при мысли о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ должны жить и дѣйствовать народные учителя. Потрясенный до глубины души письмомъ одного изъ нихъ, нашъ педагогъ пишетъ въ хроникѣ («Образованіе» 1892 г.): «Насъ не особенно радуютъ всѣ эти мелкія общества и учрежденія, которыя свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что у насъ есть добрые люди, готовые пожертвовать и личнымъ трудомъ, и деньгами на помощь младшей братіи. Не радуетъ это потому, что мы, русскіе, легко какъ-то утѣшаемся: сдѣлаемъ добра на алтынъ, а довольны на полтину. Всевозможныя частныя благотворительныя общества и учрежденія стремятся помочь въ исключительныхъ, такъ сказать, несчастныхъ случаяхъ, а надо заботиться болѣе всего о томъ, чтобы несчастныхъ людей было по возможности меньше. Роль благотѣльствуемаго человѣка, протягивающаго руку за помощью, не завидна,—не можетъ она и нравственно возвысить человѣка, придать ему энергіи. Если бы наше общество представляло больше цѣлости и единенія, оно не размѣнивало бы дѣла помощи на мелочи, на мелкую благотворительность, а общими силами могло бы собрать такіе капиталы на поддержаніе народнаго образованія и учащихъ въ народныхъ школахъ, что судьба тѣхъ и другихъ была бы совершенно обезпечена. Изъ ста миллионѣвъ жителей нашего отечества, навѣрно, найдется миллионъ человѣкъ, которые не затруднятся обложить себя налогомъ, положимъ, коп. 30 въ мѣсяцъ, на дѣло народнаго обра-

зованія. Подумайте, какой многомилліонный капитал образовался бы черезъ 10—15 лѣтъ, и такой налогъ могъ бы стать постояннымъ».

Однимъ изъ средствъ улучшить положеніе сельскаго учителя является, по мнѣнію автора, падѣленіе его землею, при чемъ такая поземельная собственность не могла бы помѣшать его профессіи, такъ какъ работы на его участкѣ начинались бы вмѣстѣ съ общими крестьянскими работами, когда учительскія обязанности временно прекращаются. Поземельная собственность не только дѣлала бы учителей болѣе самостоятельными, но и крѣпче связывала бы ихъ съ интересами деревни, куда забросила ихъ судьба.

Но всего лучше была знакома нашему хроникеру область среднего образованія; малѣйшія измѣненія программъ его интересовали, и онъ, съ присущимъ ему оптимизмомъ, всегда стремился усматривать въ этихъ вариантахъ залогъ лучшаго будущаго. Какъ радовался онъ основанію гимназій Стоюниной, какъ образцовой женской школы. Онъ слѣдилъ за ея жизнью и печаталъ въ своемъ журналѣ ежегодные отчеты гимназій. Каждый фактъ отрицательнаго характера въ педагогическомъ мірѣ приводилъ его въ негодованіе, и онъ спѣшилъ сообщить о немъ въ хроникѣ, заклеививъ, такимъ образомъ, виновныхъ.

Не одно преподаваніе, — и другія явленія школьной жизни находили отраженіе въ интересной и разнообразной хроникѣ В. Д.: то встрѣчаемъ мы здѣсь описаніе школьной елки съ мѣткой характеристикой педагогическаго значенія тѣхъ или другихъ дѣтскихъ развлеченій, то живые рассказы о школьныхъ экскурсіяхъ, при чемъ хроникеръ пользуется случаемъ, чтобъ провести параллель между экскурсіей и простой школьной прогулкой, и предостерегаетъ молодыхъ педагоговъ отъ опасности превратить и экскурсіи въ скучные уроки. Мы знаемъ, какимъ врагомъ формализма онъ всегда являлся, — поэтому не только въ своихъ большихъ статьяхъ, но и въ мелкихъ замѣткахъ въ хроникѣ онъ постоянно повторяетъ свои любимыя мысли о недостаткѣ вниманія въ школахъ къ индивидуальнымъ особенностямъ ученика, вслѣдствіе чего школа для дѣтей служить «своего рода Прокрустовымъ ложемъ, гдѣ у однихъ, превышающихъ средній уровень, умственные порывы или способности, не предусмотрѣнныя системой, устраниются, а у слабыхъ растягиваются до средняго уровня» («Ж. Обр.» 1888, стр. 258).

Ухудшаютъ дѣло также отмѣтки: «Каждый отдѣльный баллъ никакъ не можетъ выражать ни прилежанія, ни знанія ученика. Зачѣмъ же каждый отдѣльный баллъ выставлать на видъ, дѣлать его орудіемъ награды, или наказанія, зачѣмъ эта постоянная игра на первахъ учениковъ? Полагаемъ, что, если бы на первый разъ хотя бы этого избѣгли, то наши подрастающія поколѣнія менѣ страдали бы разными первыми разстройствомъ и болѣзнями» (Обр. 1893

5—6, стр. 314). Впрочемъ, многіе недостатки были бы устранены изъ школы, еслибъ она находилась подъ общественнымъ контролемъ. Въ 1891 г. В. Д. приводитъ по этому поводу слова уважаемаго имъ В. Я. Стоюнина: «Выгода общественного контроля», говоритъ послѣдній: «состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что съ нимъ не соединяется никакой власти; онъ выражается въ формѣ желаній, совѣтовъ, указаній; тѣмъ не менѣе, это—такая нравственная сила, которая постоянно поддерживаетъ вниманіе лица къ себѣ, къ своимъ обязанностямъ и дѣлаетъ его лицомъ замѣтнымъ, почтеннымъ въ обществѣ, — слѣдовательно, сила не гнетущая, а возвышающая духъ».

Нечего и говорить о томъ, какъ много мѣста отводилось въ хроникѣ вопросамъ высшаго женскаго образованія: какъ борецъ за просвѣщеніе русской женщины, В. Д. радостно привѣтствовалъ побѣду праваго дѣла—открытіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ, и неоднократно печаталъ ихъ отчеты, показывавшіе, въ какой громадной прогрессіи росло число курсистокъ.

Всегда онъ знакомилъ своихъ читателей со всѣми вопросами научно-педагогическаго характера: какъ членъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ отчеты объ ихъ засѣданіяхъ. Грустное впечатлѣніе производитъ теперь ихъ чтеніе: передъ тобой точно поле старыхъ битвъ,—поле давно пустое, бойцы пали; но все же мы посовѣтовали бы молодымъ учителямъ почитать эти рефераты, эти пренія: они бы увидѣли, съ какой страстностью отдавались прежніе педагоги своему дѣлу, съ какой горячностью они ломали за него копыя.

Мы находимъ въ хроникѣ свѣдѣнія и о дѣятельности благотворительныхъ обществъ, хотя она и казалась хроникеру недостаточно широкой; неразъ онъ винилъ среднюю школу въ безучастномъ отношеніи къ нуждамъ учащихся. Такъ онъ писалъ: «сидитъ собраніе гуманныхъ педагоговъ, разсуждаетъ о томъ, какъ бы убавить классное время, и приходитъ къ заключенію, что огромнымъ облегченіемъ для учащихся дѣтей будетъ, если вмѣсто пяти уроковъ въ день оставлять лишь четыре. Мѣра съ перваго взгляда прекрасная, но только съ перваго взгляда. Тутъ не принято въ соображеніе, что для большинства дѣтей, приходящихъ въ школу, свѣтлыя, просторныя классныя комнаты въ гигиеническомъ отношеніи гораздо удобнѣе, чѣмъ тѣсныя квартирки, гдѣ они живутъ; что для этихъ дѣтей умственная работа на классномъ урокѣ гораздо полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ угнетающая картина домашней нужды, тяжелаго труда, недовольства.

Обо всемъ этомъ необходимо подумать и гигиенистамъ, и всѣмъ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, прежде, чѣмъ въ разныхъ учебныхъ реформахъ видѣть панацею отъ всѣхъ бѣдъ» (Ж. Обр. 1888 г. «Изъ жизни и литературы», стр. 65).

Не отъ одной матеріальной нужды страдаютъ дѣти страдаютъ они и отъ дурного, часто жестокаго, обращенія съ ними взрослыхъ. Этотъ прискорбный фактъ вызвалъ у насъ появленіе «Общества попеченія о дѣтяхъ», всѣ перипетіи созданія котораго мы можемъ прослѣдить по хроникѣ «Жен. Образованія».

Область педагогики обширна, основные вопросы ея перемѣщаются съ частными, которые также имѣютъ свою важность: вѣдь въ великомъ дѣлѣ воспитанія нѣтъ мелочей; поэтому и въ своей хроникѣ, на ряду съ такими обширными темами, какъ воспитаніе воли въ школѣ, сближеніе школы съ родителями и т. д., редакторъ помѣщалъ и методическія замѣтки (напр., объ ученическихъ работахъ по рисованію въ западно-европейскихъ школахъ, о преподаваніи ручного труда и т. п.). Можно сказать безъ преувеличенія, что вся хроника журналовъ «Жен. Образование» и «Образованіе», по многообразію затронутыхъ ею вопросовъ является и полезною энциклопедіею для педагоговъ и, пожалуй, исторіей русской педагогики за добрыхъ два десятка лѣтъ (1876—1895); да и не одной русской, такъ какъ В. Д. слѣдитъ за всѣми выдающимися явленіями и педагогики западно-европейской, своевременно указывая на развитіе женскаго образованія во Франціи, благодаря правительству 3-ей республики, и въ косной до тѣхъ поръ въ этомъ вопросѣ Германіи. Онъ крѣпко любилъ свою родину: объ этомъ говорить вся его работа, вся его жизнь; но «кваснымъ патріотомъ» онъ не былъ и радъ былъ отмѣтить хорошее всюду, гдѣ онъ встрѣчалъ его,—на родинѣ, или на чужбинѣ.

Его тонъ, обычно-спокойный и ровный, въ летучихъ замѣткахъ хроники иногда измѣнялся, становился горячѣе. Оно и понятно: эти замѣтки писались подъ живымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, или услышаннаго,—вызывались иногда необходимостью дать отпоръ литературнымъ противникамъ-обскурантамъ, во время перехватить стрѣлу и вернуть ее въ лагерь врага. Такъ было, напримѣръ, въ роковомъ 1881 году, когда реакціонная печать вздумала обвинять школу и педагоговъ въ событіи 1 марта. Со стороны В. Д. эти нападки встрѣтили самую негодующую отповѣдь. Каждая замѣтная статья въ педагогической журналистикѣ находила отзвукъ въ томъ отдѣлѣ журнала, которому онъ далъ названіе: «Изъ жизни и литературы».

Мы никогда бы не кончили, еслибъ задались цѣлью перечислить всѣ темы, затронутыя В. Д. Сиповскимъ въ этомъ отдѣлѣ. Конечно, многое утратило свой прежній жгучій интересъ злобы дня, но многое до сихъ поръ свѣжо и ново. Чтѣ бы ни говорилъ покойный педагогъ, онъ всегда возвращался къ любимому припѣву—о необходимости просвѣщенія для русскаго народа. Вотъ, что писалъ онъ въ 1895 г. по поводу газетныхъ сообщеній о сектѣ іоаннитовъ: «Къ крайнему сожалѣнію, у насъ все еще смотрять какъ-то опасно на настоящее просвѣщеніе—все думаютъ, что народу достаточно

одной грамотности и церковности. Это—печальная ошибка. Народу нужно то просвѣщеніе, которое пробуждаетъ разсудокъ, заставляетъ человѣка разсуждать. Иначе онъ извратитъ религію и самую церковность обратить въ суевѣріе. Свѣту, больше свѣту нашему народу». (Обр. 1895 г. 5-6). Это были послѣднія печатныя строки В. Д. Синовскаго.

Ученіе и здоровье.

Вопросы школьной гігіены въ наше время обращаютъ на себя все болѣе и болѣе вниманія какъ педагоговъ, такъ и общества. Ежедневное пятичасовое сидѣніе дѣтей на скамьѣ, работы, задаваемые на домъ, усиленные приготовленія къ переводнымъ и окончательнымъ экзаменамъ,—все это естественно могло возбудить во многихъ тревожную мысль, не покупается ли ученіе слишкомъ дорого, цѣною здоровья учащихся. Не разъ слышались и въ нашей литературѣ укоры школамъ за крайнее отягощеніе учащихся учебной работой, и вредъ, наносимый ею здоровью подрастающаго поколѣнія. Въ укорахъ этихъ была значительная доля правды. Вполнѣ справедливыми считаемъ мы, напримѣръ, упреки нашимъ школамъ за то, что въ нихъ мало вообще обращается вниманія на правильное, цѣлесообразное распредѣленіе уроковъ, что безъ всякой надобности затрудняютъ учащихся перепиской уроковъ, составленіемъ записокъ по отдѣльнымъ предметамъ и тому под. Такимъ образомъ, случается, что маленькія дѣти, кромѣ пятичасового сидѣнія въ классѣ, просиживаютъ еще дома за книгой почти столько же времени. Сильные укоры дѣлались и женскимъ гимназіямъ за то, что онѣ непосильной, будто бы, работой наносятъ существенный вредъ подрастающему женскому поколѣнію, будущимъ матерямъ, слѣдовательно, и потомству ихъ. Обвиненія эти казались тѣмъ болѣе тяжелыми, что, дѣйствительно, между гимназистками можно встрѣтить очень много дѣвицъ болѣзненныхъ, хилыхъ, блѣднолицыхъ, съ явными задатками различныхъ болѣзней. Этотъ грустный фактъ слишкомъ очевиденъ; его нельзя не замѣтить. И такъ какъ болѣзненность замѣчалась болѣе у гимна-

зистокъ, чѣмъ у ученицъ различныхъ пансіоновъ и институтовъ, то и стали объяснять ее преимущественно неправильной постановкой учебного дѣла въ женскихъ гимназіяхъ, крайнимъ обремененіемъ ученицъ различными внѣклассными работами, несоблюденіемъ гигиеническихъ условій въ стѣнахъ заведеній.— Мы далеки отъ мысли считать женскія гимназіи безукоризненными во всѣхъ отношеніяхъ; но не можемъ не замѣтить, что щедро осыпая обвиненіями учебное дѣло въ названныхъ заведеніяхъ, вовсе упускали изъ виду два обстоятельства: забывали задать себѣ вопросы, съ какимъ здоровьемъ поступаютъ въ гимназіи дѣти, и насколько соблюдаются гигиеническія условія въ теченіе 19 часовъ, которые проводятъ дѣти внѣ гимназіи. А эти два вопроса въ высшей степени существенны. Лицамъ, близко стоящимъ къ женскимъ гимназіямъ, хорошо извѣстно, сколько блѣдныхъ, хилыхъ, истощенныхъ дѣтей ежегодно приводятъ родители для опредѣленія въ гимназіи, извѣстно также, что большинство ихъ принадлежитъ къ числу недостаточныхъ людей, которымъ рѣшительно не подъ силу соблюдать различныя гигиеническія требованія, очень дорого стоящія въ столицахъ. Если принять все это въ соображеніе, то придется во всякомъ случаѣ снять съ гимназій значительную долю обвиненія во вредномъ вліяніи ихъ на здоровье ученицъ.—Въ этой замѣткѣ мы не останавливаемся на школьной гигиенѣ, а обратимъ вниманіе исключительно на то, что, помимо школы, особенно вредить учащимся въ нихъ дѣтямъ.

Всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ педагогическимъ дѣломъ, извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ въ жизни человека первоначальное физическое воспитаніе. Всѣмъ въ то же время хорошо извѣстно, въ какомъ печальномъ состояніи у насъ оно, какія грубыя ошибки, даже преступленія противъ законовъ природы совершаютъ зачастую родители, воспитывая своихъ дѣтей. Родителей этихъ даже и винить за это не приходится: они въ большинствѣ случаевъ находятся въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости по своему круглому невѣжеству во всемъ, что относится къ человѣческому организму. Огромная масса родителей, не понимая вовсе того, какое значеніе та или другая пища имѣетъ для здоровья и физическаго развитія ре-

бенка, не понимая значенія свѣта, тепла, чистаго воздуха для него, естественно не обращаетъ на все это особеннаго вниманія. Только тогда родители начинаютъ заботиться о здоровьѣ дѣтей, когда приключится у нихъ какая-либо болѣзнь. И печальнѣе всего то, что подобные родители—явленіе очень обычное даже въ средѣ людей, не безъ основанія пользующихся титуломъ людей образованныхъ. Будущему историку нашей образованности не мало придется поработать надъ разрѣшеніемъ вопроса, почему это было время, когда люди, владѣя весьма цѣнными знаніями по анатоміи и фізіологіи человѣка, не старались о наибольшемъ распространеніи этихъ не только полезныхъ, но необходимыхъ знаній, допускали ихъ только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; почему въ средне-учебныхъ школахъ предлагалось юношеству изучать строй трехъ или четырехъ языковъ и не считали необходимымъ ознакомить учащихся со строемъ человеческого тѣла.

Во всякомъ случаѣ невѣжество въ этомъ отношеніи отзывается очень тяжело въ жизни людей. Сколько испорченныхъ жизней, сколько разбитыхъ надеждъ являются слѣдствіемъ этого невѣжества! Едва ли какое-либо другое невѣжество оплачивается такими дорогими пошлинами, какъ невѣжество родителей въ анатоміи и фізіологіи. Родители расплачиваются за него часто жизнью своихъ дѣтей, общество—хлостью и болѣзненностью цѣлыхъ поколѣній. Особенно же вредно полное незнаніе анатоміи и фізіологіи у матерей: только, владѣя знаніями по этимъ наукамъ, матери могутъ придавать настоящую цѣну совѣтамъ врачей, зорко слѣдить за здоровьемъ своихъ дѣтей, интересоваться физическимъ воспитаніемъ ихъ. Въ большихъ городахъ, гдѣ, обыкновенно, жизнь складывается очень искусственно, необходимы и искусственныя мѣры воспитанія физическаго. Иные говорятъ, что знанія, необходимыя для матери, могутъ быть приобрѣтены по выходѣ изъ школы. Но многія ли лица, начавъ самостоятельную жизнь, могутъ найти достаточно времени и силъ, чтобы начинать изучать новыя для нихъ науки съ азавъ? По нашему убѣжденію, необходимо заложить фундаментъ наиболѣе важныхъ знаній еще въ раннемъ юношескомъ возрастѣ, когда душа, не подавленная житейскими заботами и тревогами,

открыта для новых впечатлѣній, когда любознательность отличается еще свѣжестью и чуткостью ¹⁾).

Отсутствіе у родителей понятія о гигиеническихъ требованіяхъ является одною изъ главныхъ причинъ болѣзненности ученицъ различныхъ открытыхъ школъ. Намъ случалось наблюдать такіе, напримѣръ, факты. Возвращается дѣвочка лѣтъ десяти изъ школы. Только что успѣетъ пообѣдать, какъ заботливая мать усаживаетъ ее готовить уроки къ слѣдующему дню. Уроковъ, положимъ, случилось немного, и дѣвочка въ часъ или два успѣла ихъ приготовить, и остается довольно еще свободного времени. Ей хочется порѣзвиться со своимъ маленькимъ братомъ. Начинается въ комнатѣ веселая возня, шумъ, бѣготня. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ раздается недовольный голосъ отца или матери: «Да полно, что вы расшумѣлись; у меня и такъ голова болитъ. Развѣ нѣтъ у тебя дѣла? а еще большая дѣвочка! Не стыдно-ли! Готовь уроки!» — «Да я уже все приготовила», отвѣчаетъ она. — «Ну еще протверди, лучше будешь знать. А не то старое повтори, или впередъ почитай, лучше будешь понимать. Садись, садись за книгу!» Дѣвочка нехотя, скрѣпя сердце, принимается снова за книгу. «Вотъ и тебя, сорванецъ, засажу скоро за книгу!» грозитъ мать своему пятилѣтнему сынку, вздумавшему повозиться съ сестрой. А та, унылая, сидитъ за книгой, глядитъ въ нее. Хотѣлось побѣгать, поразмять члены, а тутъ сиди, уткнувши носъ въ ненавистный учебникъ. Глаза медленно переходятъ со строчки на строчку, губы вяло шепчутъ слова, а мысли гуляютъ подчасъ далеко отъ книги. И развивается вредная привычка машинально читать, вовсе не думая о смыслѣ читаемаго. И такъ просиживаетъ ребенокъ безъ нужды нѣсколько лишнихъ часовъ надъ книгой. Дѣвочкѣ нужно было бы побольше движенія, да чистаго воздуха; а въ тѣсной квартирѣ движеніе мѣшаетъ другимъ, и чистаго воздуха мало. Послать погулять дѣвочку не съ кѣмъ,

¹⁾ Хотя авторъ и не былъ специалистомъ по естествознанію, но, преподавая педагогику въ старшихъ классахъ женской гимназіи, умѣло сообщалъ въ ясной и сжатой формѣ необходимыя для будущихъ матерей и воспитательницъ познанія по анатоміи и физиологіи.

а одну не пошлешь. Если бы мать понимала крайнюю необходимость для ребенка прогулки на чистомъ воздухѣ, то она, можетъ быть, и нашла бы часъ-другой времени для этого. Но она видитъ въ прогулкѣ не столько необходимость, сколько удовольствіе. А бѣднымъ людямъ не до гулянокъ, надо къ работѣ привыкать. И вотъ заботливая мать создаетъ для своего ребенка изъ ученія нѣчто въ родѣ каторжной работы, томить десятилѣтнюю дѣвочку попусту надъ книгой по пяти, или шести часовъ, и не подумаетъ, что для бѣдныхъ людей необходимо не только трудолюбіе, но и здоровье. И винить вѣдь мать за это нельзя: не вѣдаетъ она, что творить. Проходитъ годъ-два, дѣвочка замѣтно чахнетъ, въ классѣ невнимательна, отличается какою-то вялостью, а при поступленіи была довольно живымъ ребенкомъ. Что за притча, думаютъ родители, глядя на слабыя отмѣтки своей дочери: кажется, всѣ усилія прилагаешь, заставляешь ее учиться; цѣлые вечера просиживаетъ она за книгой до поздней ночи. На себя стала непохожа. Что же это такое? Странно что-то. Такъ-ли ужъ учать, какъ слѣдуетъ, въ гимназій? И начинаются поиски, кто виноватъ.

Встрѣчается и такое явленіе. Достаточные родители прилагаютъ не въ мѣру много стараній о томъ, чтобы дать «блестящее» образованіе своей дочери. Кромѣ занятій въ гимназій, устраиваютъ еще домашніе уроки по тѣмъ предметамъ, которымъ не учать въ гимназій, или и учать, да недостаточно, по мнѣнію ихъ. И такъ ребенокъ, имѣющій счастье принадлежать къ достаточной семьѣ, получаетъ блестящее образованіе, т. е., кромѣ приготовленія заданныхъ уроковъ, еще занимается дома отдѣльно уроками иностранныхъ языковъ, уроками пѣнія, музыки, танцевъ ¹⁾. И вотъ, не смотря на то, что тутъ и гигиеническія условія соблюдаются, ребенка хорошо и во-время кормятъ, ежедневно водятъ гулять на чистый воздухъ, все-таки онъ отличается ка-

¹⁾ Покойный В. Д. особенно возмущался установившимся въ семьяхъ средняго круга обычаемъ учить музыкѣ всѣхъ дѣтей поголовно, — все равно, обладаютъ ли они музыкальными способностями, или нѣтъ; для дѣтей, которымъ ученіе, вообще, плохо дается и которыхъ музыка нисколько не интересуетъ, эти уроки, по его мнѣнію, являются безполезнымъ бременемъ.

кой-то хилостью, нервностью и досадною разсѣянностью, такъ что ни на чемъ долго не можетъ сосредоточивать вниманія. Въ гимназіи занятія идутъ не совсѣмъ удачно. Какъ быть? Надо оказывать еще домашнюю помощь по тѣмъ предметамъ, по которымъ слабы успѣхи. Приглашаются на домъ репетиторы, или учительницы. Такимъ образомъ, при помощи разныхъ искусственныхъ подпорокъ и поддержекъ ребенокъ переходитъ изъ класса въ классъ, все болѣе и болѣе утрачивая увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ, теряя способность самостоятельно трудиться. Предъ глазами учащейся нѣсколько лѣтъ, словно въ калейдоскопѣ, мѣняются непрерывно наставницы, учителя, книги, тетради, ноты; и въ результатъ, что-то смутное, пестрое въ головѣ. Ни живыхъ мыслей, ни убѣжденій, ни сильнаго чувства, ни твердой воли, а только такъ называемое блестящее образованіе и отвращеніе ко всякому сколько-нибудь серьезному труду! Да кромѣ того, разстроенное здоровье, хилость, нервность!.. И задумываются родители. Что за бѣда?! Кажется, ничего не жалѣли,—ни усилій, ни денегъ, а у дочки ни ума, ни здоровья... Ужъ не гимназія ли виновата во всемъ этомъ?

Много можно было бы привести различныхъ случаевъ, гдѣ вина за болѣзненность учащихся должна, по всей справедливости, падать на родителей, а не на гимназіи. Безъ сомнѣнія, многимъ изъ нашихъ читателей самимъ приходилось неразъ замѣчать, какъ часто непомѣрное усердіе родителей, заботящихся черезчуръ объ учебныхъ успѣхахъ дѣтей, приводило къ противоположнымъ результатамъ и нерѣдко сильно вредило здоровью. Намъ, по крайней мѣрѣ, неразъ приходилось встрѣчать родителей, которые добиваются, чтобы ихъ дочери шли въ ряду *первыя* ученицы въ классѣ. Родители эти, замѣтивъ, что дѣти ихъ, иной разъ не одаренныя блестящими способностями, не идутъ въ числѣ *отличныхъ* ученицъ, а въ числѣ *хорошихъ*, побуждаютъ ихъ всѣми мѣрами напрягать усилія, чтобы добиться полныхъ балловъ, приглашаютъ учителей, репетиторовъ, — и радуются, когда дѣти, путемъ огромныхъ усилій, или съ чужою помощью, становятся въ первые ряды. И такіе родители, принеся въ жертву своему тщеславію здоровье своихъ дѣтей, не задумываются иной разъ указать на школу, какъ на главную виновницу бо-

лѣзненности ихъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ наше время встрѣчаются и благоразумные родители, которые понимаютъ цѣну здоровья своихъ дѣтей, умѣютъ беречь ихъ. Такие родители, обыкновенно, и выражаютъ свое искреннее желаніе, чтобы дѣти ихъ не обременялись не въ мѣру различными домашними приготовленіями и работами. Но на одного такого родителя найдутся десятки-сотни такихъ, которые, замѣтивъ, что дочери ихъ въ два-три часа справляются дома со всѣми заданными къ слѣдующему дню работами, выражаютъ неудовольствіе на малую требовательность учебнаго заведенія, посѣтуютъ на то, что ихъ дочекъ «мало учать» въ гимназіи, что мало имъ уроковъ задаютъ, что онѣ дома только «балуютъ», потому что имъ нечего дѣлать. Намъ часто приходилось слышать подобныя сѣтованія.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ сказаннаго?—Выводъ тотъ, что отвѣтственность за болѣзненность и малоуспѣшность учащихся въ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ часто должна падать всецѣло на родителей.

Огромное большинство родителей до такой степени мало владеетъ не только педагогическими, но и гигиеническими познаніями, что отцы и матери, сильно любя и заботясь о своихъ дѣтяхъ, вредятъ не только ихъ правильному образованію, но губятъ и здоровье ихъ. Повторяемъ, что, при крайней сложности и искусственности жизни, въ многолюдныхъ городахъ, при сложности и искусственности учебнаго дѣла, равномерно усложняются для родителей и воспитательныя задачи, такъ что для правильного разрѣшенія ихъ необходимо и родителямъ запастись какъ педагогическими, такъ и гигиеническими знаніями. Иначе постоянно будетъ происходить со стороны родителей множество ошибокъ, гибельныхъ для подрастающаго поколѣнія.

При рѣшительномъ непониманіи задачъ физическаго воспитанія они совершенно не въ состояніи соблюдать при воспитаніи дѣтей равновѣсія между трудомъ и отдыхомъ, покоемъ и движеніемъ, умственнымъ напряженіемъ и физическою дѣятельностью. Складывать всю вину за печальныя послѣдствія своего невѣжества и ошибокъ на школу, — вотъ, единственное, хотя и

очень плохое, утѣшеніе для родителей, погубившихъ здоровье своихъ дѣтей.

Одно изъ величайшихъ золъ нашего времени—слишкомъ раннее обученіе и умственное развитіе дѣтей. Нерѣдко начинаютъ обучать дѣтей съ 4—5 лѣтъ, а развивать ихъ умъ начинаютъ и ранѣе. Родители часто рѣшительно не знаютъ, что дѣлать со своими четырехъ - пятилѣтними дѣтьми, рѣшительно не умѣютъ придумать какія-нибудь занятія, вполне соотвѣтствующія возрасту, и рады-радехоньки, когда, научивъ ребенка читать, могутъ сунуть ему въ руки какія-нибудь дѣтскія книги, часто очень сомнительнаго достоинства. Этимъ, обыкновенно, и кладется основаніе гибельной для здоровья умственной скороспѣлости.

Подкрѣпимъ наши слова о вредѣ слишкомъ ранняго умственнаго развитія дѣтей словами д-ра Бриггэма ¹⁾: «Опытные врачи утверждаютъ, что очень часто усилія развить преждевременно умственныя способности дѣтей оказываются въ высшей степени вредными. Изъ цѣлаго ряда дѣтскихъ болѣзней, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ, я вывелъ заключеніе, что опасность въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, велика»... «Чрезмѣрное и раннее развитіе мозговой нервной системы увеличиваетъ расположеніе къ болѣзнямъ; именно, у ребенка дѣлаются конвульсіи, воспаленіе мозга, водянка и другія разстройства нервной системы, оканчивающіяся всегда гибельно. Поэтому, въ высшей степени, важно наблюдать за тѣмъ, чтобы естественная дѣятельность нервной системы у дѣтей не усиливалась чрезмѣрными умственными упражненіями, или излишнимъ возбужденіемъ чувствительности, и не послужила бы поводомъ къ развитію присущей дѣтямъ наклонности къ нервнымъ болѣзнямъ, всегда находящимся въ тѣсной связи съ разстройствомъ котораго-либо изъ органовъ тѣла. Отсюда истекаетъ предрасположеніе дѣтей къ ипохондріи и множеству другихъ нервныхъ припадковъ» (45 стр.). «Чрезмѣрное развитіе и чрезмѣрная чувствительность мозга, говоритъ докторъ Джемсъ Джонстонъ, не иначе могутъ происходить, какъ въ ущербъ отправленій другихъ органовъ животной системы; поэтому

¹⁾ О вліянніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Соч. д-ра Бриггэма.

если мозгомъ или инымъ органомъ расходуется слишкомъ много жизненной энергіи, то совершенно пропорціонально тому уменьшается сила дѣятельности прочихъ органовъ. Это несомнѣнная и весьма важная *истина*, которой люди не понимаютъ и на которую вообще мало обращаютъ вниманія» (стр. 56). Авторъ сильно вооружается противъ ранняго чтенія дѣтскихъ книгъ, которыя преждевременно развиваютъ умъ, надѣлая его часто очень сомнительными свѣдѣніями. «Есть ли фактическія доказательства, говоритъ онъ, чтобы страшная масса книгъ (дѣтскихъ) принесла пользу хоть одному ребенку? Посмотрите на современнаго юношу лѣтъ 15: онъ перечиталъ тьму книгъ, знаетъ наизусть пропасть правилъ; его начали учить уму-разуму, когда ему было не болѣе 3—4 лѣтъ. Обладаетъ ли онъ такимъ дѣятельнымъ, независимымъ умомъ, какимъ отличались его родители въ томъ же самомъ возрастѣ? Можно ли, по теперешнему состоянію его умственныхъ способностей судить о благотворномъ вліяніи ранняго и необычайнаго развитія? Не служатъ ли, напротивъ, эти толпы худенькихъ, тщедушныхъ, блѣднолицыхъ мальчиковъ, которыхъ мы видимъ въ нашихъ училищахъ, и дѣвочекъ въ пансіонахъ, явнымъ доказательствомъ вреда подобной системы воспитанія? Спрашиваю опять: гдѣ у насъ очевидные факты, чтобы книги, попадающія въ руки дѣтямъ прежде, чѣмъ имъ минетъ 7, или 8 лѣтъ, оказали благотворное вліяніе на тѣло, или на умъ? Я, по крайней мѣрѣ, убѣдился, что онѣ приносятъ громадныя вредъ» (стр. 66). «Умоляю поэтому родителей не приступать легкомысленно къ попыткамъ создать изъ своихъ дѣтей нѣчто необыкновенное; если они ихъ не убьютъ предпринятыми мѣрами для достиженія такой цѣли, то ужъ, конечно, чрезвычайно ослабятъ ихъ организмъ и сдѣлаютъ ихъ наклонными къ нервнымъ болѣзнямъ. Преждевременное умственное возбужденіе приноситъ красивый, но слишкомъ ранній цвѣтъ, которому суждено завянуть, не производя плода» (стр. 69). Все эти разсужденія авторъ подкрѣпляетъ научными данными. Заканчиваетъ ихъ словами такими: «Описать весь вредъ и пагубныя послѣдствія такого воспитанія, я не могу умолчать, что на моихъ глазахъ многія дѣти, слывшія феноменами по своимъ удивительнымъ способностямъ, не выдерживали педагогическихъ опытовъ: одни изъ нихъ умира-

ли очень рано, на шестомъ, или восьмомъ году жизни, и до послѣдней минуты выказывали такую зрѣлость ума, которая еще больше увеличивала отчаяніе семьи при разлукѣ съ ними; другія дожили до зрѣлаго возраста, но всегда отличались слабымъ сложеніемъ,—вся нервная система ихъ была расшатана; они имѣли наклонность къ ипохондріи, къ страданіямъ пищеварительныхъ органовъ и ко всѣмъ вообще разнообразнымъ формамъ нервныхъ болѣзней. У нѣкоторыхъ изъ нихъ умъ не терялъ своей дѣятельности, но тѣло ихъ оставалось всегда хилымъ. Третій и, я думаю, самый многочисленный разрядъ скороспѣлыхъ геніевъ состоитъ изъ дѣтей, которыя, сдѣлавшись большими, оказались почти совершенно дураками и обратились въ пассивныя орудія въ рукахъ своихъ сверстниковъ, бывшихъ въ дѣтствѣ гораздо ниже ихъ по развитію» (стр. 75).—«*Скороспѣлость ума есть всегда признакъ болѣзни*», замѣчаетъ д-ръ Гуфландъ. Затѣмъ авторъ приводитъ очень любопытныя мнѣнія знаменитыхъ врачей о чрезмѣрно раннемъ умственномъ развитіи, мнѣнія, вполне согласныя съ его разсужденіями и доводами.

Доказавъ громадныя вредъ слишкомъ ранняго умственного развитія, д-ръ Бриггэмъ не приходитъ къ тому выводу, къ какому приходятъ иной разъ наши доморощенные охранители здоровья дѣтей, особенно здоровья дѣвицъ, которое, будто бы, несовмѣстно съ серьезными умственными занятіями, съ долготѣнными учебными курсами, съ высшимъ научнымъ образованіемъ. Д-ръ Бриггэмъ говоритъ, что «*своевременное развитіе ума не только не вредно, но даже благотворно дѣйствуетъ на здоровье*». Всѣ органы тѣла для своего развитія нуждаются въ упражненіи. Если функціи мозга не упражняются, онъ уменьшается постепенно въ объемѣ. Постепенно уменьшающійся мозгъ идиотовъ доказываетъ это. Слабость и уменьшеніе какого-нибудь органа неминуемо отражается на всемъ организмѣ. «Когда какой-нибудь органъ, говоритъ д-ръ Бриггэмъ, уменьшается отъ недостатка правильнаго упражненія, это отражается на всемъ организмѣ, и здоровье человѣка разстраивается. Смотря съ этой точки зрѣнія, я убѣдился, что правильное упражненіе ума способствуетъ сохраненію постоянно хорошаго здоровья. Это доказывается и фактами». «Интеллектуальное развитіе еще и

въ томъ отношеніи способствовало сохраненію человѣческой жизни, что оно дало перевѣсъ разуму надъ чувственными побужденіями. Вотъ почему мы видимъ, что обитатели цивилизованныхъ странъ живутъ гораздо долѣе дикарей. Это подтверждается свидѣтельствомъ слѣдующихъ ученыхъ путешественниковъ: миссіонеръ Фокъ, долго жившій среди дикихъ, говорить, что онъ почти не встрѣчалъ между ними стариковъ; Рейналь то же самое пишетъ о дикихъ Канады, Кукъ и Лаперузъ — о жителяхъ сѣверо-западнаго берега Америки, Мунго-Паркъ — о неграхъ, Брюсъ — объ абиссинцахъ. — Смертность уменьшалась во всѣхъ странахъ по мѣрѣ распространенія цивилизаціи, и въ настоящее время она сильнѣе проявляется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жители находятся еще въ варварскомъ состояніи. Въ Женевѣ сохранились таблицы смертности съ 1560 г.; изъ нихъ оказывается, что въ XVII ст., средній періодъ жизни не превышалъ 11^{1/2} лѣтъ; въ XVIII онъ дошелъ до 27 лѣтъ. Въ теченіе трехъ столѣтій, средняя цифра долговѣчности гражданъ Женевы увеличилась въ пять разъ» (стр. 119).

Слѣдовательно, исходя изъ точки д-ра Бриггэма, слѣдуетъ признать, что вредны не многолѣтность ученія, не серьезность его, а преждевременность его и несообразность съ требованіями гигиеническими. Серьезное, высокое образованіе, соотвѣтствующее требованіямъ природы, по убѣжденію автора и многихъ знаменитыхъ авторитетовъ медицины, даже въ высшей степени благотѣльно для здоровья. Итакъ, на соотвѣтствіе обученія съ законами природы, съ гигиеническими условіями физическаго воспитанія, а не на уменьшеніе учебныхъ курсовъ, должно быть обращено вниманіе людей, ведущихъ учебное дѣло, и родителей. А для этого необходимо для нихъ ближайшее знакомство съ анатоміей и фізіологіей, которыя должны служить основаніемъ для всѣхъ методовъ воспитанія. Въ предисловіи д-ръ Бриггэмъ совершенно справедливо говоритъ: «Общее пренебреженіе къ этимъ двумъ наукамъ есть одно изъ самыхъ странныхъ явленій современнаго пытливаго вѣка. Люди считаютъ почти позоромъ не пониманіе значенія многихъ неорганическихъ веществъ, не умѣть объяснить механизма парохода, или прядильной машины, а между тѣмъ, они живутъ и умираютъ, не

имѣя ни малѣйшаго понятія о гораздо болѣе сложной и интересной машинѣ—о своемъ тѣлѣ».

Экзамены или репетиціи?

Какъ въ общественной жизни мы наталкиваемся чуть не на каждомъ шагѣ на предразсудки, совершенно непонятные для насъ,—на обычаи, которые давно пережили свой смыслъ и держатся лишь своей формой, мѣшая правильному проявленію жизненныхъ силъ,—такъ въ частности и въ школѣ, въ ея внутреннемъ строѣ, въ ея жизни, мы видимъ немало неразумныхъ традицій, немало такихъ «пережитковъ», которые незыблемо сохраняются въ теченіе многихъ поколѣній, словно какая-то святыня, хотя, казалось бы, въ дѣлѣ воспитанія, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо, чтобы все совершалось вполнѣ сознательно и строго обдуманно.

Къ числу обычаевъ, пережившихъ свой смыслъ, должны быть отнесены въ школѣ и экзамены въ ихъ общепринятой формѣ, т. е. съ ихъ торжественностью, лотерейностью и особыми днями для приготовленія къ нимъ.

Мѣсяцъ май и начало іюня представляютъ обыкновенно «страдную пору» въ школьной жизни: въ это время происходитъ, какъ бы, жатва того, что было посеяно и взрощено въ теченіе года, или даже нѣсколькихъ лѣтъ въ юныхъ головахъ учащихся. Пора эта очень тяжела какъ для учениковъ, такъ и для преподающихъ. Особенно даетъ она себя знать въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Стоитъ только взглянуть на ученицъ, особенно выпускныхъ,—и на ихъ лицахъ вы прочтете явные слѣды бессонныхъ ночей и постоянныхъ тревогъ и опасеній. Наконецъ, въ началѣ іюня почти во всѣхъ заведеніяхъ кончается это «время испытаній». Жатва окончена: собраны обильные ряды балловъ,—цифръ, выражающихъ, будто бы, умственные капиталы учащихся, или окончившихъ свое ученіе. Послѣднимъ выдаются аттестаты, представляющіе въ нѣкоторомъ родѣ кредитныя бумаги, по бѣльшей части, только съ одною номинальною цѣнностью.

Еще во дни юности многое въ существующей формѣ экзаменовъ приводило насъ въ недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, недоумѣвали мы часто при видѣ ассистентовъ. Еще на экзамены математики, или языковъ, являлись, обыкновенно, люди компетентные въ дѣлѣ и, дѣйствительно, помогали экзаменатору, а если случайно попадали люди другой профессіи, то по ихъ лицамъ, полнымъ недоумѣнія, или разсѣянности, ясно можно было видѣть, что они предмета не знаютъ, а явились на экзаменъ только «такъ себѣ». Но не то приходилось намъ замѣчать на экзаменахъ исторіи, географіи и словесности. Здѣсь какой бы профессіи ассистентъ ни случился, смотреть онъ обыкновенно бодро, даже снисходительно улыбается, а иной разъ и спросить что-либо въ родѣ слѣдующаго: «а на какой островъ англичане отвезли Наполеона І?» или: «на какой рѣкѣ стоитъ городъ Парижъ?»—словомъ, чувствуетъ себя, въ нѣкоторой степени, свѣдущимъ по исторической и географической части, какъ и подобаетъ образованному человѣку. Отвѣчаешь, бывало, на эти вопросы, а самъ думаешь: хорошо тебѣ улыбаться, да спрашивать этакъ, а вотъ бы поставить тебя на мое мѣсто, да допросить бы порядкомъ, такъ посмотрѣли бы мы тогда на улыбку-то... Очень ужъ не нравилась мнѣ эта улыбка. Неразъ являлся также вопросъ, зачѣмъ это мнѣ, экзаменуемому, слѣдуетъ отвѣчать на такіе вопросы, на которые всѣ экзаменаторы могутъ отвѣчать только каждый по своей спеціальности, а ни одного изъ нихъ не найдется, который могъ бы имѣть такія разностороннія свѣдѣнія по различнымъ предметамъ, какъ юноша, оканчивающій курсъ. Почему это, думалось мнѣ, они считаются, и конечно основательно, людьми образованными, а могутъ не знать многого того, чтó требуютъ отъ меня, юноши, которому еще придется въ университетѣ четыре года «питаться науками», чтобы получить право называться образованнымъ человѣкомъ. Эти недоразумѣнія такъ и оставались недоразумѣніями. Учили ли насъ тогда плохо, умственной ли зрѣлости было мало для рѣшенія подобныхъ вопросовъ,—не знаю; но я сомнѣвался...

Непонятно для насъ и по сію пору многое въ теперешнемъ способѣ переводныхъ и выпускныхъ испытаній...

Въ былыя времена, когда занимались въ школахъ исключи-

тельно выучкою, когда успѣхъ обученія измѣрялся преимущественно количествомъ знаній, а не качествомъ ихъ,—когда такъ щеголяли количествомъ ихъ, что Алекс. Гумбольдтъ, какъ говорятъ, просмотрѣвъ однажды программу какого-то юнкерскаго училища, пожалѣлъ, что онъ не знаетъ столько, сколько долженъ знать русскій юнкеръ,—тогда и установилась совершенно-подходящая къ задачамъ обученія система испытаній, состоящая въ томъ, что учащіеся должны отвѣчать въ концѣ года предъ преподавателемъ и начальствующими контролирующими лицами по всему курсу; а такъ какъ никакая память не въ состояніи была удерживать огромную массу свѣдѣній по всевозможнымъ предметамъ, то и пришлось давать учащимся по нѣсколько дней на подготовленіе къ каждому экзамену. Во многихъ случаяхъ преподаватели и занимались исключительно тѣмъ, что готовили своихъ питомцевъ къ экзамену. Экзаменъ становился конечной цѣлью, какъ для учениковъ, такъ и для преподавателей: головы первыхъ старательно нагружались всевозможными и разнородными свѣдѣніями съ тою цѣлью, чтобы учащіеся донесли этотъ багажъ до выпускного экзамена, и тамъ, наконецъ, вывалили бы передъ изумленными взорами начальства огромные ворохи всяческихъ свѣдѣній. Для того, чтобы помочь сохранить этотъ багажъ, который юношество съ бѣльшей скоростью растеривало, чѣмъ пріобрѣтало, придумывались различныя приспособленія, таблицы... Мы помнимъ, какъ преподаватель исторіи, дополняя различными генеалогическими и хронологическими данными учебникъ Смарагова, совѣтовалъ выписывать всѣ ихъ отдѣльно и каждое утро послѣ молитвы прочитывать для освѣженія ихъ въ памяти; такимъ способомъ, по словамъ преподавателя, можно сохранить все хорошо въ памяти и не опасаться экзамена. Для этой же цѣли преподаватель географіи совѣтовалъ ежедневно путешествовать по картамъ, по всевозможнымъ направленіямъ; учитель естественной исторіи совѣтовалъ нѣчто подобное дѣлать съ различными ботаническими и зоологическими таблицами... Наболѣе усердные ученики попробовали, было, выполнять совѣты своихъ наставниковъ, но постоянство не есть добродѣтель юныхъ душъ... А нѣкоторые даже считали болѣе практичнымъ имѣть при себѣ, для большаго удоб-

ства въ рукавѣ, бумажки съ необходимыми данными, другіе же, болѣе осторожные и старательные, ухитрялись выписывать множество данныхъ у себя на ладоняхъ и такъ миниатюрно, что учитель, или начальство, даже посмотрѣвъ на ладони учениковъ, нескоро догадались бы, въ чемъ дѣло.

Въ наше время, время всяческихъ реформъ, многое въ школѣ измѣнилось. Усомнились въ пользѣ энциклопедизма въ школѣ, перебрали различныя знанія и избрали изъ нихъ то, что болѣе доступно юнымъ умамъ учащихся, обратили вниманіе на то, что не столько важна сумма знаній, сколько развитіе умственныхъ силъ и способностей учащихся, пришли къ вѣрному заключенію, что важно не только то, что преподается, но и какимъ образомъ преподается и какъ усваивается учащимися,—словомъ, обращено вниманіе на методъ и приемы преподаванія. (При этомъ мы должны оговориться, что выборъ учебнаго матеріала, по нашему мнѣнію, не всегда былъ удаченъ, а увлеченіе приемами преподаванія у иныхъ доходило до такой крайности, что они ухитрялись показывать необычайную виртуозность преподаванія, ровно ничему не научая своихъ учениковъ).

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что несомнѣнный успѣхъ въ учебномъ дѣлѣ въ наше время сказался въ томъ, что значительно уменьшили объемъ преподаваемого, главною задачею поставили развитіе умственныхъ силъ и способностей, и потому обратили вниманіе на методы и приемы преподаванія, а такъ какъ правильный выборъ ихъ зависитъ не только отъ свойства самого учебнаго матеріала, но и отъ знанія дѣтской натуры, то потому стали обращать вниманіе на изученіе ея. (Въ этомъ послѣднемъ, по нашему мнѣнію, лучшій залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ современной педагогики).

Такимъ образомъ, характеръ учебнаго дѣла и задачъ его существенно измѣнился, а способы провѣрки успѣховъ этого дѣла,—экзамены, остались, такъ сказать, на старомъ положеніи. Они, положительно, являются вреднымъ анахронизмомъ въ школьномъ дѣлѣ.

Мало того, экзаменами нерѣдко опредѣляется самый характеръ преподаванія. Нѣкоторые учителя, какъ мы говорили, уже не столько учатъ учениковъ своему предмету, сколько готовятъ

ихъ къ экзамену. Не сущность предмета часто у нихъ въ виду, а тѣ вопросы, какіе начальство, посѣщающее экзамены, любитъ предлагать. Извѣстно, напр., что характеръ присылаемыхъ для выпускныхъ экзаменовъ темъ и задачъ обусловливаетъ въ очень сильной степени характеръ и тѣхъ, какія задаются въ году преподавателемъ въ старшихъ классахъ. Такимъ образомъ, темы и задачи приноравливаются часто не къ свойствамъ учащихся, не къ потребностямъ проходимаго курса, а ко вкусу тѣхъ лицъ, которыя совершенно случайно придумываютъ къ экзамену темы и задачи. Наконецъ, учебники и программы нерѣдко составляются такъ, какъ будто на первомъ планѣ стоятъ интересы экзамена.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ объ экзаменахъ, безспорно, весьма важенъ, и о немъ слѣдуетъ обстоятельно подумать.

Посмотримъ же теперь, какое значеніе могутъ имѣть экзамены для а) учащихся, б) учителей и с) начальства, контролирующаго школьное дѣло.

Обыкновенно, говорятъ, что польза экзаменовъ для учащихся въ томъ, что они 1) самостоятельно повторяютъ курсы по каждому предмету цѣликомъ, и, стало быть, 2) курсы лучше усвоятся памятью и объединятся въ стройное цѣлое, потому что прочтется все разомъ, а не по частямъ, какъ это дѣлалось въ теченіе года.

Эти соображенія кажутся съ перваго взгляда очень вѣскими, но на дѣлѣ не то.

Объединить учебный курсъ въ одно стройное цѣлое—это задача несравненно труднѣйшая, чѣмъ усвоить и понять отдѣльные уроки изъ курса. И вотъ, тогда, какъ послѣдніе усвоивались при помощи объясненій учителя и подъ его контролемъ, гораздо труднѣйшее дѣло—понять взаимную связь отдѣльных частей курса и объединить ихъ въ одно стройное цѣлое,—предоставляется самимъ учащимся. На самомъ дѣлѣ, никогда подобнаго объединенія въ головахъ готовящихся къ экзамену не происходитъ. Замѣчено даже, что учащіеся, обыкновенно, просятъ у преподавателей заблаговременно до экзаменовъ программъ съ раздѣленіемъ ихъ на билеты,—«чтобы легче было готовиться къ экзамену», поясняютъ наиболѣе откровенные. Практическій

здравый смысл и нѣкоторый опытъ подсказываютъ, что приготовиться къ хорошимъ отвѣтамъ на экзаменѣ можно довольно удобно, когда заблаговременно знаешь, съ чего придется начинать и чѣмъ кончать. А нѣкоторые, не безъ лукавства, рассчитываютъ, что гораздо расцѣпливѣе будетъ начало каждаго билета получше подготовить, чѣмъ конецъ, такъ какъ рѣдко приходится отвѣчать весь билетъ до конца. Такимъ образомъ, готовящіеся къ экзамену вовсе и не думаютъ о связи частей повторяемаго курса; заботятся они преимущественно о хорошихъ отвѣтахъ на отдѣльные билеты,—о томъ, какъ бы получше начать эти отвѣты, да усиленно напрягаютъ память для того, чтобы донести до экзамена массу частныхъ, знаніемъ которыхъ думаютъ блеснуть на экзаменѣ, и блистають, надо отдать имъ эту справедливость, подчасъ совершенно некстати.

Прибавимъ къ этому, что заблуждаться насчетъ экзаменовъ, придавая имъ указанное значеніе, еще могутъ съ нѣкоторымъ правомъ профессора университетовъ, читающіе сколько-нибудь строгіе научные курсы, но не преподаватели средне-учебнаго заведенія, въ распоряженіи которыхъ не систематическіе научные курсы, но учебный матеріалъ, объединить который, усмотрѣть логическую связь между отдѣльными частями, связать ихъ какимъ-либо логическимъ началомъ—часто дѣло очень трудное и для преподающихъ, а не только для учащихся. Безспорно, что тамъ, гдѣ это возможно, очень желательно, чтобы учащіеся приходили къ сознанію извѣстной логической связи между отдѣльными усвоенными ими знаніями, но сдѣлать это они могутъ только при помощи преподавателя при окончаніи курса. Предполагать же, что это сдѣлають сами учащіеся, готовясь къ экзамену, значить предаваться крайне страннымъ иллюзіямъ.

Слѣдовательно, остается только одна полезная сторона экзаменовъ, что ученики съ напряженнымъ вниманіемъ повторяютъ пройденные курсы. Но если мы припомнимъ, цѣною какого труда покупается эта единственная выгода, подумаемъ, сколько тратится, обыкновенно, здоровья на спѣшное приготовленіе къ экзаменамъ, сколькихъ бессонныхъ ночей и тревогъ стоитъ оно, то и эта единственная выгода, конечно, явится намъ слишкомъ ничтожною, чтобы пріобрѣтать ее такою дорогою цѣною. Да и

кромѣ того, это спѣшное, неравномѣрно распредѣленное повтореніе далеко не можетъ считаться особенно полезнымъ. Головы готовящихся къ выпускнымъ экзаменамъ наскоро набиваются всевозможными свѣдѣніями, которыя, напряженная до послѣдней степени, память силится удержать, — а, между тѣмъ, сдѣлать это неимовѣрно трудно, такъ какъ свѣдѣнія не только по разнымъ предметамъ, но даже и по каждому въ отдѣльности, часто мало имѣють внутренней связи между собой. Сознаніе каждаго человѣка въ нормальномъ состояніи озаряетъ только извѣстную, обыкновенно, небольшую, часть его наличныхъ представленій, или понятій, изъ которыхъ въ данный моментъ слагаются его мысли. Для чистоты и силы мыслей необходимо удалять изъ сознанія все то, что не имѣетъ близкаго отношенія къ нимъ. Чѣмъ болѣе число представленій и понятій приходится озарять сознаніемъ, тѣмъ слабѣе это озареніе. Правда, способность разомъ освѣщать сознаніемъ большую массу понятій обуславливаетъ ширину мысли, возможность широкихъ обобщеній. Способностью этой владѣють въ наибольшей степени великіе мыслители. Безспорно, необходимо воспитывать эту способность и въ учащихся; но едва ли и самый рьяный поборникъ теперешней системы экзаменовъ станетъ серьезно относить ихъ къ средствамъ, ведущимъ къ этой цѣли. Напротивъ, думаемъ, что всякій, кто не утратилъ памяти о своей юности и о томъ, въ какомъ состояніи находилась его голова во время экзаменовъ, сознается, конечно, что въ ней происходилъ страшный сумбуръ. Масса всевозможныхъ и часто совершенно мелочныхъ свѣдѣній по различнымъ предметамъ загромождаетъ въ это время голову усерднаго ученика, представляя нѣчто въ родѣ пресловутой плюшкинской кучи, не имѣющей никакой цѣны и никакого смысла. Голову усерднаго ученика, просиживающаго ночи за приготовленіемъ къ выпускнымъ экзаменамъ, можно уподобить калейдоскопу, гдѣ образуются совершенно случайно самыя разнообразныя сочетанія, самыя неожиданныя прихотливыя фигуры. Кому приходилось усердно готовиться къ строгимъ экзаменамъ, тотъ согласится съ нашимъ сравненіемъ, припомнивъ, какъ къ концу экзаменовъ свѣдѣнія по различнымъ предметамъ путались, переплетались въ головѣ, образуя самыя прихотливыя и бессмы-

сленныя сочетанія, и какъ было трудно сосредоточивать мысль на какой-либо опредѣленной группѣ понятій. Происходить это, конечно, отъ крайняго нервнаго утомленія, отъ усталости сознанія и воли, если можно такъ выразиться. То, что происходитъ въ головѣ юноши въ это время, напоминаетъ бредъ горячечнаго ¹⁾—это ясно отражается на ошалѣломъ, недоумѣвающимъ и тревожномъ лицѣ его... И вотъ, въ такомъ-то состояніи многіе педагоги считаютъ полезнымъ продержатъ головы учащихся въ пору экзаменовъ... Но это все преувеличено, скажутъ намъ, — нѣкоторые экзамены далеко не такъ страшны, какъ ихъ представляютъ. На это мы отвѣтимъ, что все высказанное мы наблюдали и на самихъ себѣ и на другихъ, и что въ данномъ случаѣ мы имѣли въ виду тѣ экзамены, которые на языкѣ педагоговъ называются «серьезными», а на языкѣ учащихся «строгими». Бываютъ, дѣйствительно, экзамены другого рода, о которыхъ ученики говорятъ, что къ нимъ не стоитъ готовиться, а наставники выражаются о нихъ, что эти экзамены только *такъ себѣ, для формы*. Тѣмъ изъ читателей, которые станутъ утверждать, что мы впали въ преувеличеніе, по всей вѣроятности, больше извѣстны экзамены второго рода, чѣмъ перваго. Что хуже: безсознательно ли совершать неразумное и отчасти даже жестокое дѣло, или сознательно дѣлать пустяки, да при томъ еще довольно торжественно, — рѣшить нелегко. По нашему убѣжденію, второе хуже: поборники строгихъ экзаменовъ въ теперешней ихъ формѣ *вредно* ошибаются; но они убѣждены въ пользѣ того, что дѣлаютъ, а «ошибка въ фальшь не ставится». *Сознательная фальшь въ дѣлѣ воспитанія и обученія вреднѣе тысячи безсознательныхъ ошибокъ и заблужденій*. Пустякамъ не мѣсто въ школѣ, и педагоги, продѣлывающіе ихъ, да еще съ извѣстной торжественностью, способствуютъ тому, чтобы и жизнь ихъ питомцевъ въ будущемъ превращалась въ пустую комедію...

Впрочемъ, педагоговъ, смотрящихъ на экзамены, какъ на пустую форму, нечего убѣждать въ неразумности ихъ, они

¹⁾ Было бы очень полезно, если бы какой-нибудь опытный психіатръ изслѣдовалъ научнымъ образомъ то патологическое состояніе, въ какомъ находятся многіе учащіеся въ пору экзаменовъ.

должны это сами сознавать въ принципѣ. Имъ пришлось бы только доказывать вообще о вредѣ всякихъ пустяковъ и фальши въ школѣ, что не входитъ въ задачу этой статьи. Мы обращаемъ наши доводы только къ тѣмъ, кто смотритъ на экзамены, какъ на серьезное дѣло.

Обратимся теперь къ вопросу, какая польза экзаменовъ для преподавателя. Если онъ въ теченіе года не успѣлъ узнать своихъ учениковъ, то странно было бы полагать, что онъ узнаетъ ихъ во время экзаменовъ, удѣляя на каждого испытуемаго по четверти часа. Всѣ учащіеся, въ глазахъ преподавателя, могутъ дѣлиться на три категоріи: а) несомнѣнно-достойныхъ перевода въ слѣдующій классъ; б) несомнѣнно-остающихся на второй годъ въ томъ же классѣ, и с) сомнительныхъ. Относительно этихъ послѣднихъ, понятно, экзаменъ имѣетъ смыслъ, такъ какъ степень ихъ знанія недостаточно ясна для преподавателя, и онъ желаетъ обстоятельно испытать ихъ и при томъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, которыя могутъ помочь ему рѣшить безпристрастно вопросъ, достойны ли перевода въ слѣдующій классъ, или нѣтъ, сомнительные для него ученики. Что же касается первыхъ двухъ категорій, то годовыя занятія и сложившееся, на основаніи ихъ, убѣжденіе преподавателя, очевидно, не могутъ поколебаться отъ случайнаго отвѣта на экзаменѣ. Совѣтовъ и полезныхъ указаній отъ присутствующихъ на экзаменѣ лицъ (предполагая, конечно, что они люди свѣдущіе по предмету испытанія), преподаватель тоже ожидать не можетъ: они на основаніи экзамена могутъ только сказать, достаточно ли въ количественномъ отношеніи усвоено учениками, и, пожалуй, могутъ сказать, отчетливо ли понято усвоенное, но и только. Главнаго, самаго дѣла, они не могутъ видѣть на экзаменѣ; они не видятъ, *какимъ путемъ* усвоенъ и понятъ учащимися учебный матеріалъ: вѣдь то, что ученики понимаютъ, о чемъ говорятъ, еще не свидѣтельствуетъ о правильномъ преподаваніи: учитель могъ это, какъ говорится, втолковать имъ, частнымъ собственнымъ объясненіемъ довести ихъ до пониманія, или, давъ имъ хорошій учебникъ въ руки, принудить ихъ изучить его. При этомъ могло и не быть у учениковъ активной мыслительной работы, а потому могло и не образоваться навыковъ

мышленія, могли они не войти, такъ сказать, во вкусъ его,— словомъ, главная цѣль преподаванія могла остаться въ сторонѣ. Напротивъ того, пассивное усвоеніе учебнаго матеріала по учебнику, или со словъ преподавателя и педантическая требовательность его могли поселить антипатію какъ, въ частности, къ извѣстному учебному предмету, такъ и вообще содѣйствовать умственной лѣни и антипатіи ко всякому знанію. Оцѣнка же учительской дѣятельности по случайнымъ, болѣе или менѣе, отвѣтамъ испытуемыхъ на экзаменѣ едва ли можетъ быть сколько-нибудь полезною для дѣла.

Конечно, начальствующимъ лицамъ необходимо самимъ лично убѣждаться, насколько дѣло идетъ успѣшно въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ. Естественно также, что имъ желательно, чтобы контроль этотъ былъ какъ можно болѣе удобенъ для нихъ,— требовалъ бы по возможности меньшей затраты силъ и времени. Понятно, что, при прежнемъ характерѣ учебнаго дѣла, экзамены въ общепринятой формѣ были самымъ простѣйшимъ и удобнымъ способомъ контроля. Отвѣчаютъ ученики на вопросы, поставленные въ узаконенной программѣ, стало быть, школа свое дѣло сдѣлала, а какими путями это совершено, какою цѣною куплено, на это не обращалось вниманія. Въ настоящее же время понимаютъ, что надо обращать побольше вниманія на то, какою цѣною покупаются знанія учениками, понимаютъ, что учитель, при извѣстной строгости и требовательности, можетъ заставить учениковъ изучить учебникъ, и они будутъ хорошо отвѣчать на экзаменѣ; понимаютъ, что такому преподавателю еще нельзя сказать спасибо, потому что удовлетворительные отвѣты учениковъ куплены ими непомѣрною затратою труда и времени, и потому, что, въ результатѣ, можетъ, какъ выше сказано, оказаться отвращеніе къ предмету.

Наконецъ, въ настоящее время, когда считаютъ главною цѣлью школы умственное развитіе учащихся, невозможно для наблюдающихъ лицъ по экзаменамъ опредѣлить, насколько каждый преподаватель содѣйствовалъ, или содѣйствовалъ ли, хотя сколько-нибудь умственному развитію учащихся, а, между тѣмъ, именно, это и важно опредѣлить для хорошей организациі школы. Даже по языкамъ и математикѣ, гдѣ основательное

знаніе сказывается въ практическомъ умѣньѣ переводить и рѣшать задачи, экзамены не даютъ возможности судить о качествѣ преподаванія. Мы знаемъ примѣры, что строгіе и требовательные учителя математики, заставляя учащихся рѣшать сотни задачъ во время различныхъ праздниковъ, добивались того, что ученики прекрасно рѣшали задачи, хотя въ то же время получали рѣшительное отвращеніе къ математическимъ занятіямъ. Знаемъ также и преподавателей языковъ, какъ классическихкихъ, такъ и новѣйшихъ, которые своею суровою требовательностью добивались отъ учениковъ хорошаго знанія грамматики и, въ то же время, поселяли отвращеніе къ занятіямъ этими языками. Очевидно, такіе преподаватели оказываютъ медвѣжьи услуги отечественному образованію, а между тѣмъ, основываясь на экзаменахъ, ихъ относятъ къ числу образцовыхъ преподавателей.—Изъ всего сказаннаго мы дѣлаемъ выводъ, что общепринятая система испытаній представляетъ развѣ только крайне поверхностный способъ контроля надъ учебнымъ дѣломъ. При томъ, не давая возможности правильно судить о преподавательской дѣятельности, экзамены не могутъ считаться и хорошимъ средствомъ для оцѣнки успѣховъ учащихся, такъ какъ большое, обыкновенно, число ихъ не даетъ возможности долго останавливаться на каждомъ, а при этомъ открывается широкій просторъ всякимъ случайностямъ. Въ былыя времена экзамены принимали часто характеръ совершенно антипедагогическій: это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда контролирующія лица, сами, безъ посредства преподавателей, задавали испытуемымъ задачи и темы, или поручали производить экзаменъ постороннимъ лицамъ, какъ бы не довѣряя учителямъ. Если есть основаніе не довѣрять преподавателю, то такого не слѣдуетъ и оставлять въ школѣ, такъ какъ онъ, и при хорошемъ знаніи своего дѣла, можетъ оказывать вредное нравственное вліяніе на учащихся, но, если нѣтъ особаго повода къ недовѣрію, то незначѣмъ напрасно оскорблять преподавателя, да еще на глазахъ учениковъ. Впрочемъ, теперь, при большемъ развитіи деликатности въ отношеніяхъ начальства къ подчиненнымъ, это явленіе едва ли встрѣчается.

Лучшимъ же и, пожалуй, единственнымъ способомъ правиль-

наго контроля надъ учебной дѣятельностью при теперешнемъ ея характерѣ, очевидно, остается по возможности частое посѣщеніе уроковъ въ теченіе года. Это, конечно, не легко для контролирующихъ; но зато это будетъ дѣйствительнымъ контролемъ и результаты его, конечно, будутъ плодотворнѣе, чѣмъ результаты посѣщенія экзаменовъ.

А между тѣмъ существуютъ способы во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобные, чѣмъ экзамены, для общаго повторенія курса и провѣрки знаній. Этотъ способъ—репетиціи. Репетиціи, конечно, при разумной организаціи ихъ, устраняя всѣ неудобства экзаменовъ, представляютъ много хорошихъ сторонъ.

Устроить ихъ можно было бы во всѣхъ классахъ, по нашему убѣжденію, слѣдующимъ образомъ.

Недѣль за шесть до окончанія учебнаго года курсы по всѣмъ предметамъ должны быть закончены и затѣмъ повторены въ нѣсколько приемовъ на репетиціяхъ. Каждый день можетъ происходить репетиція по одному предмету, длящаяся не болѣе трехъ часовъ. Каждый предметъ повторяется въ теченіе четырехъ или пяти репетицій; послѣдняя изъ нихъ (четвертая или пятая) должна быть *общеою*, т. е. тутъ уже спрашивается съ учащихся не часть курса, какъ на предыдущихъ частныхъ репетиціяхъ, а весь курсъ.—Курсъ долженъ быть спрошенъ по порядку, такъ, чтобы весь онъ прошелъ предъ глазами учащихся въ той послѣдовательности, въ какой проходится въ теченіе года. Весь классъ на репетиціяхъ долженъ принимать участіе въ дѣлѣ и вниманіемъ, и отвѣтами на тѣ вопросы, на которые вызванные учащіеся не могутъ отвѣтить. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи порядокъ будетъ противоположный тому, какой обыкновенно замѣчается на экзаменахъ, гдѣ испытуемыхъ большею частью вызываютъ въ извѣстномъ порядкѣ, а спрашиваютъ по случайно попавшимся билетамъ; стало быть, какъ между вопросами, такъ и между отвѣтами нѣтъ никакой внутренней связи. Репетиціи въ томъ видѣ, какъ мы ихъ предлагаемъ, дадутъ возможность спросить систематически весь курсъ, который по частямъ отвѣтять учащіеся, вызываемые не по порядку, а случайно учителемъ. Такимъ образомъ, случайность здѣсь падаетъ не на отвѣтъ, а на отвѣчающихъ. Выгода такого приѣма заклю-

чается въ томъ, что предъ учениками проходить постепенно весь курсъ, и они, внимательно слушая отвѣты своихъ товарищей, повторяютъ его цѣликомъ, въ возможно стройномъ порядкѣ. Контролирующія же лица могутъ судить вполне ясно, въ чемъ заключается курсъ, въ какой полнотѣ онъ пройденъ и какъ усвоенъ.

По нашему убѣжденію, не слѣдуетъ даже и оповѣщать учащихся предъ послѣдними общими репетиціями о распредѣленіи ихъ по днямъ, т. е. когда будетъ репетироваться тотъ или другой предметъ: курсы пройдены въ году, повторены по частямъ на частныхъ репетиціяхъ, и нѣтъ никакой надобности въ особенныхъ еще приготовленіяхъ къ послѣднимъ общимъ репетиціямъ, тѣмъ болѣе, что и нѣтъ возможности въ одинъ вечеръ повторить цѣлый курсъ. Такимъ образомъ устранится то зло, что наиболѣе усердные изъ учениковъ, зная хорошо свое дѣло, изъ мнительности все-таки просиживаютъ ночи, перечитывая то, что имъ и безъ того хорошо извѣстно ¹⁾).

Выгодныя стороны указанныхъ репетицій сравнительно съ экзаменами слѣдующія:

1) Занятія въ школѣ идутъ изо-дня въ день, и работа учащихся распредѣляется равномерно, чѣмъ во время приготовленій къ экзаменамъ (обыкновенно болѣе безпечные изъ учащихся изъ нѣсколькихъ дней, какіе даются для приготовленій къ каждому экзамену, откладываютъ занятія на послѣднее время и затѣмъ подготовляются усиленно и днемъ, и ночью въ послѣдніе два-три дня).

2) Весь курсъ повторяется по частямъ на глазахъ преподавателя, который можетъ при отвѣтахъ учащихся восполнить пробѣлы, устранить всякіе недосмотры, помочь учащимся сдѣлать обобщенія, связать, насколько возможно, пройденный курсъ въ одно цѣлое,—что ужъ совсѣмъ невозможно при спѣшномъ, порывистомъ приготовленіи ихъ къ экзаменамъ.

¹⁾ Общія репетиціи такого рода, происходящія безъ оповѣщенія о нихъ учениковъ, производятся теперь лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ гимназіяхъ, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстные своими просвѣщенными взглядами педагоги (какъ видно, съ 1876 г., когда покойный авторъ впервые затронулъ этотъ вопросъ. мы недалеко ушли впередъ).

3) Преподаватель может судить гораздо лучше, чѣмъ на экзаменахъ, насколько классъ справился съ цѣлымъ курсомъ, и получаетъ болѣе полное представленіе о своихъ ученикахъ, такъ какъ каждый изъ нихъ могъ отвѣчать не разъ на частныхъ репетиціяхъ и на общей и на отдѣльные вопросы при спрашиваніи другихъ.

4) Начальство, контролирующее учебное дѣло въ школѣ, можетъ судить не только о бойкости и ловкости отвѣтовъ отдѣльныхъ учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ о характерѣ и полнотѣ учебнаго курса, который проходить послѣдовательно предъ ихъ глазами въ отвѣтахъ учащихся.

Само собою разумѣется, что и репетиціи легко обратить въ нѣчто тяжелое и бесполезное для учащихся: стоитъ только преподавателю, мало требовательному въ году, предъявить имъ строгую требовательность и педантизмъ на репетиціяхъ, или сократить число репетицій, вмѣсто пяти или шести, на двѣ на три; или устроить каждый день не по одной, а по двѣ репетиціи,—и дѣло будетъ, конечно, испорчено ¹⁾. Но вѣдь чего же нельзя испортить?—Только та школа заслуживаетъ репутаціи благоустроенной школы, гдѣ главный трудъ падаетъ на классныя занятія въ теченіе года, а не на время репетицій или приготовленій къ экзаменамъ. Есть и еще выгода репетицій: тратится меньше времени сравнительно съ экзаменами. Теперь на экзамены обыкновенно уходитъ мѣсяцъ, да начинаютъ готовиться къ нимъ за мѣсяцъ или за два до начала ихъ, и уроки при ихъ обыкновенномъ распредѣленіи, т. е. по 4, по 5 въ день, обращаются въ сущности въ то, что мы называемъ частными репетиціями, т. е. ученики повторяютъ по частямъ курсъ; при чемъ на день падаетъ два или даже три репетируемыхъ предмета, такъ что ученики буквально завалены работой; при этомъ переходъ отъ одного къ другому и третьему предмету въ одинъ вечеръ еще болѣе утомляетъ ихъ. Встрѣчаются такіе примѣры: задано ученику повторить 30 страницъ по исторіи, 20 по Закону Божию

¹⁾ Еще хуже бываетъ, если такія репетиціи идутъ параллельно съ нормальными уроками по другимъ учебнымъ предметамъ; тогда и вниманіе учащихся разбивается, что вредитъ и самому дѣлу, да и силы дѣтей страдаютъ, подрываемыя двойной работой.

и 25 по географіи—и это надо сдѣлать въ одинъ вечеръ къ слѣдующему дню! Надо ли говорить, что при правильной постановкѣ репетицій, когда готовятся лишь къ одной изъ нихъ, работа ученика будетъ сосредоточеннѣе и легче.

Такимъ образомъ, на безпорядочное и крайне утомительное повтореніе курсовъ въ классахъ уходитъ мѣсяца полтора, да на экзаменъ съ днями на приготовленіе къ нимъ уходитъ всегда по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ,—всего два съ половиной мѣсяца крайне тяжелой и въ сущности бесполезной работы. Репетиціи, правильно устроенныя, не займутъ болѣе 30—35 учебныхъ дней, рассчитывая не менѣе 5, даже 6 репетицій среднимъ числомъ на каждый изъ предметовъ, имѣющихъ характеръ курсовъ и нуждающихся въ повтореніи (исторія, географія, физика и т. п.). Что же касается языковъ, то здѣсь повторять собственно нечего, такъ какъ грамматическія правила должны были повторяться постоянно въ теченіе года при практическихъ упражненіяхъ, и на каждый языкъ для испытанія навыка въ переводѣ достаточно одной или много двухъ репетицій, тѣмъ болѣе, что для провѣрки знанія языка удобнѣе всего письменныя работы.—Такимъ образомъ при репетиціяхъ является экономія времени на цѣлый мѣсяцъ, который разумнѣе всего было бы раздѣлить пополамъ: двѣ недѣли прибавить къ учебному времени, а двѣ къ ваканціямъ, которыя начинались бы, стало быть, не съ 1-го іюня, какъ теперь, а съ 15-го мая. Это было бы значительнымъ облегченіемъ.

Экзамены останутся, слѣдовательно, только для вновь вступающихъ въ школу, для тѣхъ изъ учащихся, которые не могли быть на окончательныхъ общихъ репетиціяхъ по какой-либо вполнѣ уважительной причинѣ, и для тѣхъ, относительно которыхъ самъ преподаватель и послѣ репетиціи затрудняется рѣшить, полезнѣе-ли оставить ихъ на второй годъ въ томъ же классѣ или перевести въ слѣдующій. Такихъ «сомнительныхъ» обыкновенно очень немного, и потому испытаніе ихъ отдѣльно отъ класса можетъ быть произведено гораздо основательнѣе, чѣмъ вмѣстѣ съ нимъ.

Нѣкоторыя заведенія, въ томъ числѣ и женскія гимназіи, послѣ обычныхъ переводныхъ экзаменовъ допускаютъ еще и переэкзаменовки. Если и экзамены вредны тѣмъ, что даютъ на-

дежду, нерѣдко тщетную, слабымъ ученикамъ поправить плохую годовую работу нѣсколькими днями усиленнаго труда, то переэкзаменовки, предоставляя для приготовленія все каникулярное время, еще болѣе могутъ повредить въ указанномъ отношеніи, и, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ ихъ совсѣмъ устранить ¹⁾).

Экзамены, скажемъ въ заключеніе, съ ихъ случайнымъ, лотерейнымъ характеромъ, съ днями на приготовленіе къ нимъ, возбуждающими у плохо работавшихъ учениковъ надежду поправить дѣло усиленнымъ подготовленіемъ, а иногда и расчетъ на счастье, представляютъ большое зло въ нашей школѣ, и нельзя не пожелать отъ всей души, чтобы лица, стоящія во главѣ школъ, занялись обстоятельной разработкой затронутыхъ въ нашей замѣткѣ вопросовъ... Стоитъ только припомнить цѣлый рядъ несчастныхъ случаевъ, объяснить которые можно лишь страшнымъ нервнымъ возбужденіемъ отъ бессонныхъ ночей, приготовленій къ экзаменамъ, постоянному переходу отъ страха къ надеждѣ, какіе естественно являются при лотерейномъ характерѣ экзаменовъ. А сколько неудовольствій и жалобъ на то, что рѣшили участь ученика или ученицы на основаніи двухъ-трехъ вопросовъ, одного-двухъ случайно вынутыхъ билетовъ,—на то, что учитель и *десяти минутъ* не спрашивалъ ученика, а рѣшилъ своей отмѣткой на *цѣлый годъ* продлить учебный періодъ его жизни. Конечно, многое въ этихъ сѣтованіяхъ и жалобахъ неосновательно, но далеко не все. Главная же бѣда, безспорно, въ томъ, что нѣсколькимъ случайнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ придается рѣшающее значеніе, тогда какъ опредѣлять судьбу учащихся должна годовая работа ихъ. Будь это такъ, ни учащіеся, ни родители ихъ не надѣялись бы такъ на экзамены и не приходили бы въ отчаяніе отъ неудачнаго исхода ихъ. Они поняли бы, что успѣхъ въ ученіи и переходъ въ слѣдующій классъ обуславливаются постояннымъ равномернымъ трудомъ въ теченіе года, а не страшно напряжен-

¹⁾ Мы не согласны съ отрицательнымъ отношеніемъ покойнаго автора къ переэкзаменовкамъ; въ идеальной школѣ онѣ, конечно, немислимы, но при нерѣдкомъ формальномъ отношеніи казенныхъ гимназій къ ученикамъ, отношеніи, не признающемъ часто индивидуальныхъ особенностей каждаго ребенка и не считающемъ съ ними, такія переэкзаменовки являются поневолѣ «якоремъ спасенія» для «малыхъ сихъ».

ной умственной работой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ экзаменаціоннаго времени. Вредныя стороны экзаменовъ отражаются какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ заведеніяхъ,—въ послѣднихъ слезы, обмороки, внезапныя заболѣванія—явленія обычныя во время экзаменовъ.

При правильной постановкѣ учебнаго дѣла экзамены и даже репетиціи получаютъ совсѣмъ второстепенное значеніе; но, полагаемъ, что и при теперешнихъ условіяхъ школы, замѣна экзаменовъ репетиціями будетъ мѣрою благотвительною.

Чего недостаетъ современной школѣ?

Болѣе всего слышатся жалобы у насъ и въ Германіи на то, что современная средняя школа, приводя учащихся къ переутомленію, апатіи, вліяя крайне вредно на здоровье физическое и духовное, не даетъ ни достаточныхъ знаній, ни умственного развитія и такимъ образомъ не подготовляетъ, какъ слѣдуетъ, молодыхъ поколѣнія ни къ жизни, ни къ дальнѣйшему высшему, или научному, образованію. Главную причину этого видятъ, и не безъ основанія, въ той односторонности, какою страдаетъ современная школа, направляющая всѣ усилія лишь на умственное развитіе и избравшая главнымъ орудіемъ для этого филологическое, или, точнѣе, грамматическое обученіе.

Въ этой замѣткѣ мы не имѣемъ въ виду входить въ детальное разсмотрѣніе различныхъ школьныхъ системъ, а остановимся лишь на тѣхъ общихъ недостаткахъ, которые свойственны и мужскимъ, и женскимъ школамъ, классическимъ и реальнымъ, и даже германскимъ школамъ, послужившимъ, какъ извѣстно, прототипомъ нашихъ.

Какіе же это общіе недостатки?

Прежде всего бросается въ глаза одно въ высшей степени странное явленіе.—Организаторы современной школы какъ будто предположили, что разсудочная способность человѣка одна только и заслуживаетъ ихъ вниманія; о воображеніи, о чувствѣ, о физической сторонѣ они совершенно забыли. Въ самомъ дѣлѣ, не только преобладающее, но почти исключительное поло-

женіе въ современной школѣ занимають тѣ учебные предметы, которые считаются лучшими средствами развитія сообразительности, смѣтливости, мышленія; языки и математика,—вотъ та группа предметовъ, на которые обращены исключительно заботы въ современной школѣ. Словесность, исторія, географія не пользуются обыкновенно правами полного гражданства, а естественныя науки, кромѣ физики, и совсѣмъ устранены; такіе же учебные предметы, какъ рисованіе, пѣніе, гимнастика, являются совершенными паріями, и такъ дурно во всѣхъ отношеніяхъ поставлены, что, дѣйствительно, рѣдко приносятъ какую-либо ощутительную пользу.

Вотъ первый и самый существенный недугъ современной германской и нашей системы средняго образованія.

При правильной организаціи школы должны пользоваться равноправностью три группы учебныхъ предметовъ, имѣющихъ конечною цѣлью: 1) умственное развитіе, 2) нравственно-эстетическое и 3) физическое.

Къ первой группѣ должно быть отнесено, кромѣ математики и языковъ, также и естествознаніе.

Конечно, тутъ идетъ рѣчь не о какихъ-либо системахъ этой науки, а лишь объ урокахъ изъ области естествознанія,—урокахъ вполне подходящихъ къ возрасту учащихся и по матеріалу, и по способу преподаванія. Для средней школы естествознаніе дорого не столько своими системами и гипотезами, сколько методомъ изученія. *Наблюденіе* и *опытъ*,—вотъ чѣмъ особенно важно и въ чемъ незамѣнно естествовѣдѣніе въ педагогическомъ отношеніи. Не забудемъ, что наблюденіе и опытъ—это тѣ первые приемы знанія, при помощи которыхъ ребенокъ съ первыхъ же моментовъ сознательной жизни начинаетъ знакомиться со всѣмъ окружающимъ его ¹⁾.

На вторую группу, въ высшей степени важную, должно обратить особенное вниманіе.—Уроки Закона Божія, конечно, занимають первенствующее мѣсто въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Главною задачею для законоучителя должно быть возмож-

¹⁾ Въ настоящее время естествознаніе снова преподается въ русской средней школѣ. Ред.

но полное освоение учащихся съ христіанскою нравственностью, съ Евангеліемъ, а не научная богословская или историческая сторона. Отечественная словесность въ лучшихъ произведеніяхъ образцовыхъ писателей является незамѣнимымъ средствомъ нравственно-эстетическаго и національнаго образованія подрастающихъ поколѣній, и нельзя не удивляться тому, что такой могучей силой, какъ словесность, школа пользуется такъ мало.—Исторія отечественная и всеобщая, при надлежащей постановкѣ, должны не только занимать подобающее мѣсто въ первой группѣ предметовъ, но и имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго и національнаго воспитанія. Наконецъ, искусства—пѣніе, музыка, рисованіе, лѣпка,—должны быть поставлены никакъ не ниже другихъ учебныхъ предметовъ. Преподаваніе этихъ искусствъ должно быть вручаемо не первымъ встрѣчнымъ неудавшимся пѣвцамъ и художникамъ, а образованнымъ педагогамъ. Тогда не будетъ такого явленія, какое встрѣчается теперь сплошь и рядомъ, что нѣкоторые ученики устраниются отъ уроковъ пѣнія на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ музыкальнаго слуха, а другіе оставляются безъ всякаго вниманія учителемъ рисованія вслѣдствіе того, что не имѣютъ способности къ этому искусству. Образованные педагоги, конечно, поймутъ, что задача школы—готовить не пѣвцовъ и художниковъ, а употреблять всѣ усилія, чтобы, насколько возможно, развить въ томъ или другомъ направленіи силы учениковъ, и что главная задача искусствъ въ школѣ—развить по возможности эстетическій вкусъ, и такимъ путемъ открыть доступъ въ душу воспитывающихся поколѣній цѣлому ряду облагораживающихъ наслажденій, возможныхъ лишь при развитіи чувства изящнаго. Больно смотрѣть на многихъ молодыхъ людей, учениковъ и ученицъ, близкихъ къ зрѣлости, скучныхъ, мрачныхъ. Рѣдко, рѣдко услышишь, чтобы они пѣли для себя или рисовали для своего удовольствія: учитель пѣнія изрекъ приговоръ, что у нихъ нѣтъ музыкальнаго слуха, учитель рисованія нашель, что у нихъ нѣтъ художественныхъ способностей, и эти «забракованные» (часто вполнѣ неосновательно) теряютъ охоту пѣть и рисовать даже и для своего удовольствія.

На физическое воспитаніе необходимо обратить самыя серьез-

ныя заботы. Существующая теперь въ нашихъ школахъ гимнастика не имѣетъ почти никакого значенія. Какой смыслъ представляютъ занятія гимнастикой разъ или два въ недѣлю,—гимнастикой, состоящей изъ вялыхъ движеній въ душной, полной пыли комнатъ? Неизмѣримо цѣннѣе для физическаго развитія были бы различныя подвижныя игры на чистомъ воздухѣ и разныя физическія упражненія, такія, какъ бѣгъ, вѣспуски, прыганье и пр. Древняя Греція и современная Англія—вотъ лучшіе образцы, указывающіе, какъ слѣдуетъ поставить это дѣло. На физическія упражненія и подвижныя игры, требующія энергіи и ловкости, необходимо удѣлить въ школѣ по крайней мѣрѣ по часу въ день и смотрѣть на нихъ не менѣе серьезно, чѣмъ на умственныя упражненія.

Введеніе ручного труда въ общеобразовательную школу, о чемъ теперь многіе педагоги хлопчутъ, въ высшей степени желательно; высокое педагогическое значеніе занятій ручнымъ трудомъ не подлежитъ сомнѣнію. Мало того, что тутъ развивается глазомѣръ, ловкость рукъ, упражняются мускулы и пр., но здѣсь и малоспособные ученики могутъ находить нравственное удовлетвореніе, потому что при усердіи и энергіи всякій можетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ трудѣ.

Второй вопросъ, настоятельно требующій разрѣшенія, слѣдующій: почему учащіеся относятся въ большинствѣ случаевъ крайне апатично къ ученію и необходимы различныя мѣры въ родѣ аттестацій, наказаній, наградъ для того, чтобы заставить учиться, да и при всемъ этомъ является огромный процентъ неуспѣвающихъ? Не странно-ли? Вѣдь, при нормальномъ ходѣ вещей пріобрѣтать знаніе есть наслажденіе, и дѣти уже въ раннемъ возрастѣ (если это не забитыя и больныя дѣти) обнаруживаютъ большую любознательность, закидываютъ взрослыхъ вопросами, сосредоточенно и внимательно слушаютъ объясненія и рассказы и надолго ихъ запоминаютъ. Эти же дѣти, переступивъ черезъ порогъ школы, мало-по-малу могутъ исполнять свои обязанности, т. е. учиться, только или подѣ страхомъ извѣстной непріятности въ видѣ плохой отмѣтки и наказанія, или руководимые самолюбіемъ, желаніемъ похвалы, отличія, награды...

Это печальное явленіе объясняется 1) свойствомъ учебнаго матеріала, 2) приёмами преподаванія и 3) свойствами преподающихъ.

При выборѣ учебнаго матеріала, какъ извѣстно, очень рѣдко задаются вопросомъ, соотвѣтствуетъ ли этотъ матеріаль свойствамъ возраста учащихся. Если бы этимъ вопросомъ руководились, то могло ли бы имѣть мѣсто въ школѣ, напр., такое явленіе, что десятилѣтнему ребенку предоставляется сразу изучать три или четыре чуждыхъ ему языка да еще съ грамматической стороны? Вопросъ о томъ, интересенъ ли ребенку предлагаемый ему учебный матеріаль, покажется многимъ педагогамъ, пожалуй, даже смѣшнымъ. А вѣдь вопросъ этотъ можетъ быть замѣненъ другимъ равносильнымъ: свойственъ ли этотъ матеріаль дѣтской натурѣ, или нѣтъ? Въ такой формѣ вопросъ не можетъ показаться страннымъ ни для одного мыслящаго человѣка. Интереснымъ для ребенка только и можетъ быть то, что ему свойственно, доступно, что отвѣчаетъ болѣе или менѣе стремленіямъ его. Могутъ ли быть доступны ребенку филологическіе интересы? Предоставляемъ отвѣтить на этотъ вопросъ всякому, кто сколько-нибудь знаетъ дѣтскую натуру. Какое же можетъ быть состояніе ребенка, когда три четверти школьнаго времени онъ долженъ проводить за изученіемъ словъ и фразъ чуждыхъ ему языковъ? Не должна ли явиться, какъ прямое слѣдствіе этого, у учащихся чрезъ два-три года ученія апатія къ нему? Не станутъ ли они относиться къ нему, какъ къ тяжелой барщинѣ?

Что же дѣлать, какъ помочь тутъ бѣдѣ?—Прежде всего и необходимѣе всего въ младшихъ классахъ въ основу обученія положить родной языкъ: пусть дѣти изучаютъ его, но не грамматически, а въ живомъ проявленіи,—въ доступныхъ имъ произведеніяхъ народной и художественной литературы¹⁾. Пусть дѣти развиваютъ свой глазъ и свое вниманіе въ наблюденіи надъ различными органическими формами на доступныхъ имъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, даже въ столичныхъ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на урокахъ родного языка дѣти и до сихъ поръ имѣютъ дѣло главнымъ образомъ съ грамматикой: много-много, если они изучаютъ въ годъ два или три литературныхъ образца.

урокахъ изъ области естествознанія, пусть измѣряютъ и считаютъ на урокахъ ариметики, пусть рисуютъ, лѣпятъ, пусть упражняютъ тѣло свое на чистомъ воздухѣ въ подвижныхъ играхъ, пусть лишь со второго класса начать осваиваться съ формами одного иностраннаго языка, съ третьяго класса—другого и т. д.

Важно и даже необходимо, чтобы каждый день былъ хоть часъ или два посвящены такимъ занятіямъ, которыя возбуждали бы живой, умственный интересъ у учащихся. Этотъ интересъ въ высшей степени важное, даже необходимое условіе успѣха всего обученія, и благо той школѣ, которая заботится объ этомъ. Даровитые учителя всегда умѣютъ пользоваться этимъ драгоцѣннымъ подспорьемъ обученія.

Въ сильной степени зависитъ этотъ интересъ и отъ пріемовъ преподаванія. Если преподаватель вызываетъ самодѣятельность у учащихся, направляетъ ихъ умъ такъ, что они сами на основаніи даннаго матеріала приходятъ къ выводу извѣстнаго закона, правила, обобщенія, сами систематизируютъ добытыя знанія, то всѣ учебные предметы можно сдѣлать болѣе или менѣе интересными и весьма образовательными въ логическомъ отношеніи. Но часто ли мы замѣчаемъ въ школѣ такое преподаваніе? Не чаще ли мы видимъ, что роль преподавателя сводится лишь къ простому контролю? Ученикамъ задается по учебнику выучить дома готовые выводы, готовые правила, а учитель въ классѣ провѣряетъ, помнятъ ли ихъ ученики, или на письменныхъ упражненіяхъ испытываетъ, могутъ ли они заученныя правила примѣнять на практикѣ. Сидитъ ученикъ дома по нѣскольکو часовъ за скучнѣйшей грамматикой, зубритъ безконечныя правила съ такими же безконечными исключеніями,—зубрить, но не можетъ, конечно, сосредоточить на нихъ должнаго вниманія; путаются они у него въ головѣ или ускользаютъ безслѣдно, и гнететъ его тяжелая мысль, что и память у него плоха, и способности вообще слабы. Идетъ онъ въ классъ съ понурой головой, съ томительнымъ чувствомъ ожиданія, что его спросятъ. А въ классѣ усердный учитель зорко вглядывается въ лица учениковъ; онъ замѣтитъ, у кого безпокойный взглядъ, онъ такого непременно спроситъ и выставитъ единицу. Онъ свое дѣло знаетъ

и даромъ жалованья не хочетъ получать. Такія явленія всякій, кто наблюдалъ наши школы, конечно, видѣлъ не разъ.—Учитель математики въ свою очередь въ классѣ больше спрашиваетъ, а на домъ задаетъ задачи для упражненія; а иногда даже не задаетъ, а просто заявляетъ, что въ классѣ предъ выставкой отмѣтокъ задастъ для рѣшенія одну изъ задачъ такого то отдѣла задачника. Преподаватель отлично знаетъ, что ученицы постараются дома сами или при помощи другихъ перерѣшить всѣ указанныя задачи. Этого-то учителю и нужно. Пусть поупражняются!.. И клянуть постылыя и обыкновенно нарочно крайне запутанныя задачи, надъ которыми имъ приходится цѣлые часы просиживать. А, между прочимъ, настоящіе математики утверждаютъ, что не въ задачахъ главная образующая сила ихъ предмета, а въ самомъ усвоеніи системы науки, а задачи имѣютъ значеніе лишь примѣра, подтверждающаго положенія ея. Вотъ подите-же, а у насъ этими задачами, представляющими часто необычайныя хитросплетенія, положительно томятъ учащихся!

Надо замѣтить, что и въ низшихъ училищахъ, городскихъ и народныхъ, очень часто встрѣчается то же самое явленіе: и тутъ мы нерѣдко замѣчаемъ, что учителя всѣ усилія обращаютъ на выучку, правописаніе, занимаются чисто механическими приѣмами и слишкомъ мало заботятся о томъ, чтобы возбудить живой интересъ, развитіе любознательность, которая пробуждала бы охоту къ самостоятельному чтенію доступныхъ книжекъ¹⁾. Отсюда и тотъ рецидивизмъ безграмотности, который нерѣдко замѣчается въ средѣ крестьянъ, прошедшихъ чрезъ народную школу.

Учителя въ большинствѣ случаевъ у насъ не могутъ быть названы педагогами,—это чиновники, которые за жалованье работаютъ болѣе или менѣе усердно. Преподаватели, которые дѣйствительно интересуются своими учениками и своей наукой и употребляютъ всѣ силы, чтобы, такъ сказать, породнить ихъ съ нею, заставить ихъ полюбить ее, очень рѣдки. Объясняется это, конечно, и тѣмъ, что учителю, даже вполнѣ владѣющему

¹⁾ Разумѣется, учителя поступаютъ такъ, имѣя въ виду экзаменъ (отъ котораго часто зависитъ участь не только учащихся, но и учащихся) и чисто формальныя требованія присяжныхъ экзаменаторовъ.

своимъ дѣломъ, обыкновенно мало предоставляется простору: его связываетъ строго опредѣленная программа, указанный учебникъ, отъ котораго часто зависитъ и самый пріемъ преподаванія.

Учебники—это тоже не послѣднее зло въ современной школѣ. Излагая въ сжатомъ и сухомъ видѣ факты и выводы, давая обыкновенно въ достаточной полнотѣ свѣдѣнія по той или другой наукѣ, они, повидимому, являются хорошимъ подспорьемъ для учителя и ученика, избавляя перваго отъ труда изложенія, а послѣднему облегчая трудъ усвоенія: вѣдь въ учебникѣ все изложено такъ просто и ясно. Учитель иногда даже самъ не излагаетъ матеріала своего предмета, а обращается въ комментатора учебника и затѣмъ провѣряетъ, насколько ученикъ усвоилъ его. Ученикъ учитъ по учебнику, повторяетъ неоднократно, и все-таки безпрестанно забываетъ. Объясняется это тѣмъ, во-первыхъ, что учебники, даже очень скромные по размѣру, до такой степени переполнены фактами, часто умѣстными лишь въ справочныхъ книгахъ (возьмите, напр., господствующіе у насъ учебники исторіи и географіи), что упомянуть это крайне мудрено; а, во-вторыхъ, тѣмъ, что факты хотя бы и очень крупные, но изложенные сухо, не дѣйствующіе ни на умъ, ни на воображеніе, ни на чувство, и готовые выводы, надъ которыми не работало мышленіе учащихся, совершенно естественно не могутъ держаться и въ памяти. Это въ порядкѣ вещей. Заучиваніе учебниковъ обращается въ пустую трату времени и вредно тѣмъ, что нерѣдко поселяетъ антипатію и къ учебному предмету. Такимъ именно способомъ обыкновенно убивается въ нашихъ дѣтяхъ всякій интересъ къ исторіи и географіи. Учебники, по нашему убѣжденію, должны быть замѣнены или сжатыми, краткими конспектами, которые служили бы учащимся лишь канвою, и имъ приходилось бы при самостоятельномъ изложеніи указывать связь между фактами или разъяснять ихъ,—или, что мы считаемъ самымъ лучшимъ, книгами, заключающими живое, но настолько подробное изложеніе фактовъ, что заучивать его цѣликомъ, какъ учебникъ, было бы невозможно, а необходимо самимъ учащимся извлекать существенное изъ разсказа. Въ томъ и другомъ случаѣ является самостоятельная работа для нихъ.

Конечно, это возможно лишь при значительномъ сокращеніи учебнаго матеріала, что во всякомъ случаѣ крайне желательно, какъ и увеличеніе учебныхъ часовъ для преподаванія предмета такой первостепенной важности, какъ исторія ¹⁾).

Наконецъ, существующая система экзаменовъ, на которую уже не разъ сыпались очень серьезные упреки, во многомъ наноситъ существенный вредъ правильному ходу обученія ²⁾).

Экзамены и учебники болѣе всего обусловливаютъ тяжелый, схоластическій характеръ обученія въ школѣ. Не мыслительная работа надъ фактами, а запоминаніе ихъ по учебнику (что особенно важно для экзамена), не живая бесѣда учителя съ учениками, а комментированіе учебника, задаваніе по нѣскольکو страницъ, гдѣ и факты, и связь между ними и смыслъ ихъ и самое изложене, все готово,—стоитъ лишь запомнить ихъ, чтобы донести до экзамена, а для этого безконечныя повторенія и пр.,—вотъ во что часто обращаются уроки не только исторіи, географіи, грамматики, но и Закона Божія, словесности (теоріи и исторіи литературы).

Экзамены и учебники ведутъ и къ тому, что забывается нерѣдко и самая цѣль преподаванія того или другого предмета, и средства принимаются за цѣль.

Учителя исторіи и географіи безпрестанно забываютъ, что многіе факты въ употребляемыхъ ими учебникахъ имѣютъ лишь значеніе тѣхъ лѣсовъ, какіе ставятся при постройкѣ зданія, и откидываются прочь, когда готово оно. За этими лѣсами нерѣдко и сами учителя не видятъ зданія, а ихъ ученики и подавно и исправно долбятъ факты, часто даже и не понимая, въ чемъ ихъ значеніе. Учителя математики, имѣя въ виду, что на экзаменѣ требуются рѣшенія задачъ, а всевозможныхъ задачниковъ съ самыми хитроумными задачами не занимать стать, налегаютъ болѣе всего на рѣшеніе ихъ, забывая, что онѣ лишь средство

¹⁾ До сихъ поръ еще это пожеланіе покойнаго автора не осуществилось, и при 2-хъ часахъ въ недѣлю, которые отводятся на исторію, учащіеся должны поневолѣ готовить обширные уроки, такъ что ихъ умъ и память не успѣваютъ переварить, какъ слѣдуетъ, получаемый матеріаль.

²⁾ О вредѣ экзаменовъ и желательной замѣнѣ ихъ рационально поставленными репетиціями см. статью того же автора: «Экзамены или репетиціи?» *Ред.*

выяснить или доказать математическія истины, или показать ихъ примѣненіе на практикѣ. Учителя языковъ забываютъ, что ихъ главное дѣло изученіе языка, а грамматика, т. е. изученіе внѣшней, формальной стороны языка, лишь подспорье къ изученію его, и эту самую грамматику ставятъ конечною цѣлью, заставляютъ учащихся запоминать всевозможныя мелочныя правила и исключенія, благо существуютъ учебники грамматики, гдѣ все это собрано.

Вотъ самые существенные недостатки современной школы всѣхъ видовъ,—вотъ на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Повторяемъ: 1) школа должна равномѣрно развивать умственное, нравственно-эстетически и физически; 2) въ дѣлѣ умственного воспитанія всегда слѣдуетъ помнить, что умственный интересъ и самостоятельность учащихся при усвоеніи знаній—главнѣйшія условія успѣха; 3) уроки должны имѣть характеръ живой бесѣды, а не заключаться въ комментированіи учебниковъ, опросовъ заданныхъ уроковъ и повтореній съ цѣлью приготовленія къ экзамену.

Эти требованія должно предъявить всякой школѣ: мужской и женской, средней и низшей.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ.

Школа готовитъ человѣка къ самостоятельной жизни, даетъ ему *образованіе*. Слово это надо понимать не въ смыслѣ извѣстной суммы знаній, а въ смыслѣ развитія всѣхъ способностей, духовныхъ и тѣлесныхъ, развитія при помощи знаній, методовъ и пріемовъ научныхъ, и искусствъ. Не то важно, чтобы много знаній было у молодого человѣка лѣтъ 18—19, а то, чтобы онъ интересовался ими, цѣнилъ ихъ по достоинству и зналъ бы, какъ добываются они. Математика учитъ путемъ умозрѣнія и чисто логическаго мышленія доходить до отвлеченныхъ математическихъ истинъ, естествознаніе изощряетъ умъ въ умѣніи путемъ наблюденія и опыта находить глубокій смыслъ въ окружающей насъ природѣ и господствовать надъ нею. Языки развиваютъ способность находить словесное выраженіе мыслямъ и чувствамъ, облекать эти духовные факты въ плоть, т. е. въ слово, наслаждаться изящнымъ, вполне гармоничнымъ сочетаніемъ мысли и рѣчи

у художниковъ слова, открываютъ возможность наслаждаться чудными произведеніями великихъ писателей. Надо ли говорить, какое глубокое и широко объемлющее вліяніе имѣютъ эти произведенія? А искусства?—Ихъ глубокое педагогическое значеніе высоко цѣнили во всѣ времена мыслящіе люди. Искусства не только развиваютъ высшія чувства человѣка—зрѣніе и слухъ, но увеличиваютъ присущую каждому человѣку въ большей или меньшей степени силу творчества, а, главное, облагораживаютъ его вкусъ, открываютъ цѣлую массу эстетическихъ наслажденій, доступныхъ для каждаго, и дѣлаютъ его счастливѣе.

Истинно-образованный человѣкъ не тотъ, кто много знаетъ, а тотъ, кто знаетъ цѣну знанія, въ комъ постоянно живетъ умственный интересъ, который никогда не считаетъ своего образованія законченнымъ, для котораго наслажденіе—приобрѣтатъ новыя знанія. Вотъ въ какомъ направленіи должна дѣйствовать школа на подрастающія поколѣнія, вотъ на что должны быть, по нашему взгляду, направлены улучшенія въ нашей системѣ образованія.

Всякія улучшенія въ указанныхъ направленіяхъ принесутъ несомнѣнную пользу. Измѣненія къ лучшему никогда не могутъ быть названы ломкою: онѣ являются жизненною потребностью. Если школа не мертвая, не окаменѣлая форма, а живой органъ общества, она, какъ все живое, должна развиваться, улучшаться, стало быть, и измѣняться.

Два положенія мы считаемъ аксіомою: 1) *лишь та система образованія можетъ быть плодотворною, которая соответствуетъ потребностямъ общества и находится въ полной гармоніи съ состояніемъ научнаго знанія въ данное время.* А такъ какъ потребности общества по времени и мѣсту измѣняются, науки тоже растутъ, вѣтвятся, накаплиютъ все болѣе и болѣе знаній, все глубже и глубже проникаютъ въ сущность фактовъ, вырабатываютъ новые методы и приемы, то отсюда ясно вытекаетъ и другое положеніе: 2) *система образованія не можетъ быть у всехъ народовъ одною и тою же, а также не можетъ и не должна оставаться неизмѣнною въ теченіе многихъ поколѣній.*